

А.В. Малов

МОСКОВСКИЕ ВЫБОРНЫЕ ПОЛКИ СОЛДАТСКОГО СТРОЯ В ГОДЫ РАЗИНСКОЙ СМУТЫ (1666–1671)

История Разинской смуты относится к числу наиболее изученных тем истории России XVII в., но ряд аспектов истории этой гражданской войны остаются не освещенными. В обстоятельной работе по источниковедению Разинщины В.И. Буганов также упустил из поля зрения ряд видов делопроизводственной документации. Так, упомянув челобитные служилых людей о пожаловании их за службу и о возмещении убытков¹, он никак не упоминает документацию различных приказов, в которых ратные люди оформляли и получали названные пожалования. Тем более за рамками исследования оказался полковой архив Первого выборного полка², который, сообразуясь со структурой работы Буганова и его классификации источников, следовало бы описать вместе с документацией полковых воевод. Причина, по которой достаточно ценные комплексы документов по истории этой гражданской войны оказались не введены в научный оборот, заключается в том, что внимание исследователей привлекали повстанцы, организационные мероприятия центральной власти, национальная составляющая в повстанческом движении, краеведческие аспекты этой войны, но никак не детальная реконструкция хода военных действий каждого отряда правительственных войск, боровшихся с инсургентами, равно как и судьбы массы служилых людей, из которых эти войска состояли. Предлагаемая вниманию читателей работа в какой-то степени направлена на восполнение существующей лакуны в наших знаниях о второй в России гражданской войне.

Московские выборные полки солдатского строя от остальных частей нового строя, помимо их элитного характера, отличал постоянный характер службы. Применительно к XVII столетию это означало, что полки не распускались полностью с окончанием кампаний, а сохранялись в качестве организационной единицы. В мирное время либо весь полк, либо его часть безотлучно находилась в месте постоянной дислокации полка, пока другая часть полка пребывала в отпусках «до указного срока» или «до указа Великого Государя». Даже в редкие для России XVII в. спокойные годы выборные солдатские полки оставались организованными боевыми единицами, облеченными известным доверием власти. Правитель-

ство старалось в полном объеме использовать, по мере надобности и возможности, эти постоянные части регулярной армии нового образца. Выборных солдат привлекали к конвоированию материальных ценностей, уголовному сыску, охране конских табунов, пригнанных астраханскими татарами.

Как становится известно из майорской записки от 3 февраля 1660 г., после возвращения в декабре 1659 г. с Тульской службы подполковников Первого и Второго выборных полков с их шкwadронами зимой 1660 г., полковника А. Шепелева с 30 солдатами шкwadроны майора В. Баранчеева (из числа постоянно пребывающих в Москве солдат «зимовальщиков») посылают в Тверской уезд «для сысского дела»³. Несколько позже, 19 июня 1660 г., приказной судья распорядился о выдаче жалованья по челобитной 11-ти выборных солдат во главе с поручиком полка А. Шепелева Иваном Битяговским, проважавших денежную казну до Смоленска⁴.

В ноябре 1660 г., 29 числа, великий государь указал капитану Первого выборного полка кн. Ивану Иванову сыну Булушеву с его ротой «ехать конным за... денежною казною до Путивля или где тое казну по указу Великого Государя примут; а как та... казна... принята будет, и ему, ...тое казну проводя и взяв отписки, ехать к... Москве тотчас»⁵. Но из 79 урядников и рядовых, состоящих в списках 8-й роты второй тысячи Первого выборного полка под командой капитана кн. И. Булушева, налицо в Москве на 3 ноября 1660 г. находилось 68 человек, а сержант и 10 рядовых были отпущены по домам⁶. Так что данную роту, как и две роты временного гарнизона крепости Белой, также должны были пополнить из других рот. Сдал капитан кн. И.И. Булушев порученную ему казну по прибытии 20 декабря в Чернигове, о чем воевода Иван Загряжский отписал в Москву и 22 числа отпустил с отпиской капитана с его ротой⁷.

В августе 1661 г. по запросу Казанского дворца Устюжская четь предписала полковнику А. Шепелеву направить в помощь четырём дворянам шкwadроны выборного полка: «в ардабазарную станицу для береженья ардабазарных лошадей с начальными людьми салдат 400 человек»⁸.

Предзнаменование грядущих потрясений

В июне 1666 г. воронежский воевода В. Уваров сообщил в Москву о приходе в Воронеж атамана Василия Уса с донскими ка-

заками. Общий ход событий похода отряда В. Уса хорошо известен историкам, а основные источники опубликованы, поэтому мы не станем здесь останавливаться на самом походе казаков. Хотя в биографическом очерке о Василии Усе Е.В. Чистякова и В.М. Соловьев, описывая поход, умудрились не указать саму цель похода – поступление на царскую службу ввиду еще неоконченной русско-польской войны⁹. Авторы представили дело таким образом, будто поступление на царскую службу было лишь поводом и прикрытием для некоей умалчиваемой цели, а также прозрачно намекали на социальную борьбу масс, да и сам В. Ус будто бы отправился в столицу, чтобы «выяснить настроения москвичей», используя челобитье царю в качестве повода для разведки¹⁰. Сведения тех же авторов о выборном полку М. Кровкова в 1200 солдат из крестьян «романовских вотчин», усиленном «отрядом подполковника И. Жданова в 800 человек»¹¹, требуют существенного уточнения¹².

Для разбора стоящих на р. Упе за Тулой казаков В. Уса – розыска среди них крестьян, холопов и служилых людей и «грабежных животов» – послан был с Москвы воевода кн. Ю.Н. Бярятинский, а с ним полковник Второго выборного полка М. Кровков со своим полком. Наказная память воеводе указывает, что с полковником должно было быть 1000 урядников и солдат¹³. После разбора на Туле казаков В. Уса воеводе Ю.Н. Бярятинскому надлежало отправить казаков с сопровождением до Воронежа, передав воронежскому воеводе В. Уварову, что полковника М. Кровкова с полком следует отпустить к Москве, а самому идти на службу в Белгород¹⁴. Для той посылки 14 июля Разряд послал память в Пушкарский приказ для получения полковником М. Кровковым на 200 посланных с ним на Тулу урядников и солдат пороха и свинца¹⁵. В тот же день полковник выступил из Москвы на Тулу, а 17 числа М. Кровков с 200 солдатами «перевещи» р. Оку под Серпуховым «к Липицам»¹⁶. Здесь, уже за рекой, полковника догнал конюх Любим Егоров с повелением повернуть в Серпухов, где ждать государева указа и подполковника И. Жданова с остальной частью полка. В Серпухове 20 июля урядники и солдаты задержали и представили извет на жильца Емельяна Васильева сына Нарышкина, который, выдавая себя за донского казака, звал их на Дон и вел иные «изменные речи». Между прочим, он спрашивал солдат, на кого идет их полк, «не на казаков ли», да говорил, что против казаков «вам, малым людям, делать нечево, побьем вас всех, казачье войс-

ко велико». Полковник провел предварительное следствие по делу Е. Нарышкина, опросив всех свидетелей, и, убедившись, что оный жилец не имеет никакого отношения к донским казакам, отписал об этом деле в Разряд, приложив все сказки и расспросные речи¹⁷.

Через день после выступления из Москвы полковника, 16 июля, в Пушкарский приказ послали память о даче полуполковнику Матвеева полка Кровкова И. Жданову пороха свинца и фитиля на 800 солдат¹⁸. Согласно отписке Барятинского от 25 июля, на первые переговоры с казаками В. Уса еще с дороги, за 25 верст до Тулы, воевода послал прапорщика Второго выборного полка Александра Домановского с тремя солдатами для переговоров и разведки¹⁹. Вернулся прапорщик 26 числа в полк Барятинского уже на Туле. По результатам переговоров А. Домановского воевода в тот же день послал в казачий лагерь на р. Уперте капитана того же полка Гаврила Шатилова. Капитан догнал уходящих казаков уже за р. Упертой, в 20 верстах, 28 числа, но вести переговоры казаки отказались, а казачья сторожа пригрозила смертью, если он поедет за ними следом. При таком повороте событий Г. Шатилов повернул на Тулу и приехал туда 29 июля²⁰. По отправленной в тот же день отписке Барятинского, 1 августа великий государь указал вновь послать к казакам на этот раз майора выборного полка для того, чтобы их успокоить и передать повеление самим составить списки приставших к ним холопов и крестьян и передать людей и списки воеводам в городах, мимо которых они пойдут. Грамота об этом была послана к Барятинскому на следующий день, 2 августа²¹.

Однако 2 августа воевода кн. Ю.Н. Барятинский, убедившись, что казаки бегут на Дон и никому не угрожают, оставил на Туле полковника М. Кровкова с его полком, а сам пошел на службу в Белгород. Поэтому дальнейшее ведение дел с казаками В. Уса легло на плечи командира Второго выборного полка М. Кровкова. В отписке полковника, поданной в Разряде 4 августа, он сообщил результаты подъезда за донскими казаками, которому не удалось догнать В. Уса с казаками, кроме отставшего от них беглого холопа²². По розыску подъездчиков, к этому времени казаки уже миновали Ефремовский и Елецкий уезды и, разделившись за р. Воронеж, спешно уходили по Воронежской и Лебедянской дорогам да степью в направлении Белгорода. Государеву грамоту полковник отправил вслед Барятинскому, которого она догнала 9 августа во Мценске. Из отписки воеводы становится известно, что майор Второго

выборного полка, которого предписывалось послать к казакам, на службу не бывал по 10 августа²³. В августе полковник М. Кровков с полком возвратился в Москву. По возвращении полковник 16 августа представил в Разряде роспись 14 привезенных в Москву колодников, бывших у казаков В. Уса беглых служилых людей и холопов²⁴.

Поход в 1666 г. в центр России отряда донских казаков атамана Василия Уса стал первым симптомом грядущих потрясений. Атаман повел свой отряд для поступления на царскую службу на свой страх и риск, зная лишь, что война еще не окончена и мир не заключен. Это был хорошо экипированный и подготовленный отряд с боевым опытом, который не смог найти на Дону средств существования. Дойдя до Оки, казаки убедились, что в их услугах уже не нуждаются, и под давлением царских войск должны были уйти восвояси. Однако в землях, через которые проходили казаки, местная власть оказалась практически парализована и бессильна, землевладельцы охвачены паникой, а многие холопы, крестьяне и беднейшие служилые люди присоединялись или пытались примкнуть к казакам. Поход этот должен был показать правительству Алексея Михайловича наличие серьезной проблемы донского казачества. С другой стороны, казакам он продемонстрировал слабость государственной власти на местах. Для России острота казачьей проблемы повышалась еще и тем, что теперь в едином государстве было объединено наряду с донским еще и украинское казачество, все еще не замиренное, клокочущее во взаимной борьбе различных партий, внутренней смуте, периодически выливавшейся в антиросийские сепаратистские протатарски и протурецки окрашенные мятежи. И в этот момент именно московский выборный солдатский полк оказался тем весомым аргументом, который реальной силой подкрепил требования московского правительства к вышедшим из повиновения казакам.

Начало смуты

Предпосылками событий, вошедших в русскую историю под названием Разинщины, Второй крестьянской войны, возмущением (бунтом, мятежом) Стеньки Разина, были изнурительные войны, которые вела Россия во второй половине XVII в.: тринадцатилетняя война с Речью Посполитой, дополненная русско-шведской войной и борьбой за Украину с Крымским ханством и прокрымски и

протурецки ориентированной украинской старшиной, а также подрыв в результате войн финансовой системы государства. Эти предпосылки привели к разорению тяглого и служилого сословий, чрезвычайному обострению и без того растущих противоречий между сословиями России, перенапряжению страны, выразившегося в крайнем усилении налогового бремени всех слоев населения России и крепостной зависимости части крестьян, умножению бегства холопов, крестьян и служилых людей на окраины, прежде всего на Дон.

С другой стороны, донское казачество, для которого важнейшей статьёй дохода была военная добыча, потеряло основной источник этих доходов, каковым до сих пор являлись Азовское и Черное моря. Когда в середине XVII в. турки укрепили Азов, они построили знаменитые Каланчи и цепью перекрыли Дон для прохода казачьих судов. Несколько позже, когда в Северное Приазовье и Причерноморье крымский хан перевел Ногайскую Орду, ставшую «щитом» не только Крыму, но и Азову, донские казаки практически потеряли выход в богатые южные моря. Царское жалованье донским казакам, а также их востребованность в течение тринадцатилетней войны сглаживали острые вопросы источников существования донского казачества. К концу войны, когда стало очевидно, что подписание мирного договора с польским королем – вопрос времени, и военные действия были обеими сторонами свернуты, исчезла и потребность для русских войск в донском казачестве. Первый «колокольчик» грядущих потрясений «прозвенел» правительству в 1666 г., во время похода казаков В. Уса. Казачье движение под предводительством С. Разина никогда не достигло бы такого масштаба и ожесточения, если бы не было поддержано самыми широкими слоями русского и иногородческого населения города и деревни, доведенного до отчаяния бесконечными службами, поборами, финансовыми и политическими авантюрами и реформами правительства.

Заключение 30 января 1667 г. Андрусовского перемирия с польским королем не оставляло донским казакам надежд на службу в царском войске. Не принесло оно спокойствия и Украине, где казачество ощущало себя преданным и проданным «польской партией», одержавшей в Москве верх в окружении Алексея Михайловича. Запорожцы, потеряв возможность «законно» добывать себе пропитание своей саблей, также стали поглядывать в сторону «Дона Ивановича». Небольшие станицы «воровских» казаков все чаще пробирались на Волгу и Каспий. В рассказах тех из них, кто избежал смерти и

плена от рук государевых служилых людей (царских ратников), эти места массам казаков рисовались по-восточному роскошной сказкой, где любой, имеющий дерзость, силу и волю к победе, открывал своей саблей сокровищницу Азии. Однако, когда весной 1667 г. донской атаман из Зимовейского городка С.Т. Разин вывел на простор Тихого Дона сформированный за зиму отряд (до 600 чел.), он направился не на Волгу, а попытался прорваться через каланчинские башни в хорошо знакомое донцам Азовское море. Но войсковой атаман и донская старшина, имевшие прочный мир с Азовом и крымским ханом, не поддержали и осудили действия С. Разина. Азовские же каланчи оказались неприступны для разбойной вольницы, и С. Разину с его отрядом пришлось вернуться назад.

Войдя в силу за время стояния под Паншиным городком, и позже, двинувшись на Волгу, разинцы по пути грабили и разоряли торговцев и домовитых казаков во многих казачьих городках. Войсковая власть донского казачества была парализована; пока С. Разин находился на Дону, власти Войска Донского оказались бессильны против популярного атамана. Разбойная вольница выплеснулась на Волгу и Каспий, и пока местная власть в Астрахани и других городах демонстрировала собственную беспомощность и бездарность, С. Разин хитростью овладел Яицким городком.

Однако планам правительства пресечь зло на корню с помощью сильного отряда воеводы кн. И.С. Прозоровского не суждено было сбыться, поскольку против России восстали кочевники Приволжья, которые напали на войско кн. И.С. Прозоровского еще по дороге. Таким образом, формируемому войску нашлось более актуальное применение. Учитывая борьбу с кочевниками в приволжских степях, правительство Алексея Михайловича попыталось замирить разбойного атамана.

Пока астраханские воеводы безуспешно пытались выбить С. Разина из Яицкого городка, казачий вождь, поддерживая связь с Доном, осенью 1667 г. направил станицу верных ему казаков в далекий Чигирин к правобережному гетману П. Дорошенко. Посланцы С. Разина предложили наиболее популярному на Украине гетману, воспользовавшись смутой в Прикаспии, Поволжье и на Дону, напасть на Левобережную Украину и юго-западные украинские России. П. Дорошенко не преминул воспользоваться ситуацией, но, не считая возможным выступить против России самостоятельно, в ноябре-декабре 1667 г. в свою очередь отправил посланцев в Крым с

соответствующим предложением. Пока П. Дорошенко ссылался с крымским ханом о предстоящей кампании против России, казаки С. Разина из Яицкого городка в продолжении зимы не раз ходили разорять юрты верных России калмыков и едисанских татар. Правительство, в свою очередь, привлекло подданных и союзных России кочевников для борьбы с вошедшими в силу разбойниками.

Весной 1668 г. дали первые всходы связи С. Разина с украинскими казаками. В апреле отряд «отборных» запорожских и донских казаков прошел по территории Острогожского полка слободских казаков, разграбляя все на своем пути, направляясь к С. Разину на Волгу и Каспий. Воспользовавшись смутой (а может быть и вступив в сговор с С. Разиным), вновь оживились было уже замиренные башкиры, переправившиеся в конце апреля через Волгу и опустошившие Пензенский уезд. В начале лета 1668 г. на Дону формируются большие и малые отряды казаков, которые пробираются в Прикаспий и на Северный Кавказ для соединения с С. Разиным. Против «воровских» казаков пытались направить кн. К.М. Черкасского, но обладавший незначительными собственными силами князь не решился на самостоятельный поход.

Несмотря на все мероприятия правительства, С. Разин в Северном Каспии собрал большой отряд, с которым двинулся вдоль кавказского побережья Каспия, опустошая все на своем пути, в свой знаменитый Персидский поход. О возвращении С. Разина из персидского похода власти узнали, когда его войско 7 августа 1669 г. разграбило митрополичий рыбный промысел Басаргу (Басагу), после чего стало лагерем на одном из островов в устье Волги. 25 августа атаман принял предложенную кн. С. Львовым амнистию, сложил перед астраханским воеводой кн. И.С. Прозоровским бунчук, знамена, выдал некоторых пленных и для принесения царю повинной 4 сентября был отпущен из Астрахани к Москве в сопровождении станицы астраханских стрельцов, однако уже 5 сентября, дойдя до Царицына, только что прощенный атаман со своим войском взбунтовался.

С.Т. Разин вернулся на Дон из Персидского похода легендарным, оваянным славой, всемогущим вождем казачества. Атаман уже вполне почувствовал свою власть харизматического лидера, когда перед ним отворяются ворота крепостей, трепещут воеводы, правительственные войска разбегаются, сдаются и переходят на его сторону. В этот момент С. Разин был хозяином Тихого Дона. В начале

марта 1670 г. в Черкасске на казачьем кругу по обвинению и по требованию С. Разина был убит царский посланник жилец Герасим Евдокимов, привезший царскую грамоту к Войску Донскому. Тогда же С. Разин обвиняет московских бояр в смерти царской жены и детей и провозглашает поход на Москву, чтобы «всех князей и бояр, и знатных людей, и все шляхетство российское побить».

Посылка выборных полков на борьбу со стихией народного бунта

Действия казачьих отрядов разинцев на Волге и Каспии весной 1670 г. переросли масштаб обычного разбоя и приняли характер массового движения, угрожавшего основам государственной власти России в этом регионе. С. Разин, объявив поход на Москву против бояр, в апреле вышел с войском на Волгу. Показателем, насколько серьезно правительство оценивало ситуацию на юго-востоке государства, стало привлечение к борьбе с повстанцами и разбойниками элитного московского пехотного корпуса из выборных солдатских полков и приказов московских стрельцов. Выборные полки начали готовить к предстоящей борьбе с повстанческими отрядами Степана Разина с начала июня 1670 г. Государевым указом от 2 июня «по вестям з Дону» выборные полки назначались на службу по частям в разные воеводские полки²⁵.

Согласно указу, от полка А. Шепелева на службу на Воронеж посылались подполковник В. Бюстов с 700 солдатами. Второму выборному полку надлежало выслать на службу две шквадроны по 300 солдат каждая во главе с начальными людьми: на Коротояк – майора П. Скорикова, да в Тамбов – полуполковника Ивана Давыдова сына Жданова. Тамбовская служба предполагалась «в драгунском строе» на лошадях, на покупку которых солдаты получили деньги. Шквадрона подполковника И. Жданова вошла в состав отряда воеводы Я.Т. Хитрово, который утверждался в должности одновременно полкового и тамбовского воеводы и военная группировка которого приписывалась к армии князя Ю.А. Долгорукова. В тот же день, 2 июня, полковник Матвей Кровков на 600 солдат своих двух шквадрон, отправляемых на службу в первую очередь, получил в приказе Тайных дел кормовое жалованье на июнь и вперед «для тамбовской службы» подъемные по 2 рубля на солдата и 200 руб. на полковые расходы²⁶.

Однако посылка шквადроны в Тамбов была отменена, видимо в силу угрожающего развития событий на Волге. Второй выборный полк выступал целиком в составе войск главного воеводы князя П.С. Урусова. Лошадей, которых часть солдат уже успела купить, выкупили у них в царскую конюшню в с. Измайлово. Для предстоящей службы 22 июня приказ Тайных дел выдал подъемные начальным людям Второго выборного полка: подполковнику И. Жданову – 15 руб., майорам Петру Скорикову и Ивану Ходыреву – по 12 руб., 16 капитанам – по 6 руб. Урядники и солдаты получили кормовые на июль и подъемные по расчету с учетом полученных некоторыми ранее денег; всего к жалованью было представлено 1354 нижних чина²⁷. В связи с предстоящими событиями за прежние заслуги был произведен из майоров в подполковники Петр Скориков, получивший 23 июня «для астраханской службы» к уже выданному майорскому годовому и хлебному жалованью прибавку «к майорской статье против подполковничьей статьи»²⁸.

В основной действующей армии кравчего воеводы кн. П.С. Урусова предстояло действовать самим полковникам Аггею Шепелеву и Матвею Кровкову с основной частью их полков. Пеший строй в армии П.С. Урусова кроме выборных полков должны были составить пять голов московских стрельцов со своими приказами²⁹. Таким образом, лишь выборные полки представляли пехоту нового строя. Службу полковнику А. Шепелеву с полком назначили указом от 22 июня³⁰. Указ предписывал полковнику быть на низовой службе в полку кн. П.С. Урусова с 2600 солдатами. Место сбора Первому выборному полку, очевидно в силу срочности похода, впервые назначили не на Москве, а в Нижнем и в Казани. Кроме подъемных денег против Севского похода 1668 г. солдатам объявили наградные деньги по рублю на человека за прошлую черкасскую службу 176-го (1667/68) и 177-го (1668/69) гг., «как они отошли ис–под Чернигова» с войском кн. Г.Г. Ромодановского.

Шквадрону подполковника Василия Бюстова, назначенную на службу на Воронеж, решили укомплектовать начальными людьми и солдатами заочких городов. Названные 700 урядников и солдат В. Бюстова должны были составить 7 рот³¹. Из тех городов ратным людям Первого выборного полка указано было: «которые города к Туле ближе, и тех городов салдатом збиратца на Тулу; а которые города поблиску к Воронежу, и тех городов збиратца на Воронеже и дожидатца подполковника»³². Для сбора ратных людей

шквადроны В. Бюстова из Первого выборного полка в Тулу послали одного из майоров³³. Базу комплектования шквადроны отпускными солдатами заокской украинны составили 32 города³⁴:

Рязань	Воронеж	Ливны	Курск
Мценск	Лебедянь	Севск	Орел
Доброе Городище	Рязск	Болхов	Кромы
Чернава	Гремячий	Чернь	Белев
Михайлов	Яблонов	Елец	Одоев
Данков	Кашира	Ефремов	Печерники
Карпов	Романово Городище	Пронск	Алексин
Тула	Карачев	Новосиль	Венева

Майор должен был собрать на Туле отпускных выборных урядников и солдат из заокских городов³⁵. Начальных людей в шквадрону В. Бюстова назначили из числа находящихся на 3 июля 1670 г. в отпусках в тех же городах на Туле, Рязани, Кашире, Ефремове, Курске:

капитан	Аверкий Протасов
поручики	Мирон Чермной Пятово Андрей Гольцов Харитон Шипилов
прапорщики	Иван Кармолин Посник Кропачев Данило Корелой.

Полковник Аггей Шепелев объявил в Устюжской чети 4 июня и подал роспись, что «надобно его полку подполковнику», которому указано быть на Воронеже с 7 ротами³⁶. По словам полковника и по росписи Устюжская четь памятьми в приказы Оружейный и Пушкарский 6 июня запросила в числе прочего на шквадрону В. Бюстова 700 мушкетов, банделеров и бердышей и 7 пушек на станках и колесах, в Патриарший разряд и Аптекарский приказ послала памяти о присылке в шквадрону для предстоящего похода священника и лекаря, а в Ямской – о 42 ямских подводах для похода на Воронеж³⁷. По росписи, подполковнику в шквадрону выдали 7 новых знамен вместо «избитых», должны были дать 14 барабанов и прислать в шквадрону для похода пушкарей, «кому стрелять», поскольку «в салдатах, которым указано быть на службе, пушкарей нет»³⁸.

По смете на 22 июня 1670 г., полковник Аггей Шепелев имел в своем полку списочного состава³⁹: 2 подполковника, 3 майора, 26 капитанов, капитана-поручика, 44 поручика, полкового писаря, 48 прапорщиков, полкового обозничаго, 2945 урядников и солдат,

бывших на последней Черкасской службе, помимо которых, в списках нетчиков и беглых, числилось еще 1278 нижних чинов. Однако именной список, составленный между 8 и 10 июля, показал в полку А. Шепелева несколько меньшее количество начальных людей⁴⁰: 2 подполковников, 4 майоров, 23 капитана, капитана–поручика, 37 поручиков, 38 прапорщиков.

Из числа урядников и солдат списочного состава в отпусках, помимо солдат заокских городов в замосковных, понизовых городах и городах по черте с Тамбова по Симбирск, числилось 1742 чел.⁴². При передаче сведений о полке князя П.С. Урусова из Разряда в приказ Казанского дворца, который должен был ведать его армию, Разряд, а следом и Казанский дворец 12 и 25 июля запрашивали Устюжскую четь о личном составе начальных людей, урядников и солдат выборного полка А. Шепелева, которым указано быть с полковником в войске Урусова, а также «что в том полку отпущено с Москвы наряду и пушечных и всяких полковых запасов порознь»⁴³. Несмотря на меньшее количество начальных людей, названных в именном списке в сравнении со сметной росписью, последняя полнее отражает реальный состав полка на службах военного времени. Устюжская четь с памятью 25 июля прислала в Казанский дворец роспись личному составу полка А. Шепелева, наряженному на службу с полковником в армии князя П.С. Урусова⁴⁴:

2 подполковника
4 майора
24 капитана
39 поручиков
45 прапорщиков
2600 нижних чинов.

Да тогда же при подготовке полка к службе у Аггея Шепелева на полковом съезде двора били челом в солдаты выборного полка 14 чел., «а наперед сего были они в салдатех же в розных полках»⁴⁵. А после того о службе в выборном полку А. Шепелева били челом еще 32 человека, из которых, правда, ранее служили солдатскую службу только пятеро⁴⁶. Судя по всему, всех 46 волонтеров в полк записали. Из них один солдатский сын того же выборного полка, двое детей боярских, 8 иноземцев (смоляне, шкловляне, бреславец, диноборчанин и могилевец), остальные люди вольные (из гулящих людей и посадских, казачьих, крестьянских и бобьльских детей). Из 46 волонтеров 15 человек ранее служили рейтарскую, драгунскую и солдатскую службу в полках: Венедикта Змеева, Кашпира Яндера,

**Именной список начальных людей полка А. Шепелева
на начало июля 1670 г.**

подполковники:	
Василий Михайлов сын Бюст	Иван Кириллов сын Захаров
майоры:	
Григорий Львов сын Юшков Федор Елизарьев сын Маматов	Петр Иванов сын Аничков Семен Еустратьев сын Воейков
капитаны:	
Федор Харитонов сын Борисов Федор Иванов сын Игнатъев Василий Харитонов сын Борисов Матвей Ефимьев Данило Кудрявцев Петр Игнатъев Аверкий Протасов Гаврила Ефимьев Михаил Мартюхин Петр Ильин сын Курмышев Гаврило Панковской Иван Микулаев сын Вишневской	Самсон Алексеев сын Кишкин Федор Тимашев Матвей Барышников Тимофей Клементьев Трофим Борщевитинов князь Иван Булушев Иван Посевьев Яков Жадовской Иван Кишкин Александр Ульф Трофим Ковацкой
капитан-поручик	Алексей Битяговской
поручики:	
Иван Ковезин Сидор Базин Григорий Борщевитинов Микита Ратаев Тимофей Черевин Федор Тулубаев Микифор Борщевитинов Леонтий Житкой Иван Есипов Яков Иноземцов Ермола Третьяков Андрей Гольцов (Гонцов) Матвей Платонов Федор Острая Сабля Мирон Чернопятово Осип Пересветов Степан Шихинской Алексей Бюстов	Микита Макшеев Яков Савастьянов Прокофий Кудрявцев Панфил Пупков Василий Ингильдеев Яков Борщевитинов Петр Татаров Семен Лихачев Михаил Большой Митков Евдоким Ерманов Данила Клабуков Игнатий Пикалов Григорий Оболешев Дмитрий Кишкин Харитон Шипилов Василий Столбов Иван Мацнагин Яков Ардатов

Якова Урвина, Авраама (Абрама) Лесли, Трофима Фан-Галена, Исаака Хомякова, Ягана Стархборта (Страсборха, Стразборка), Вилима Дромонта, Андрея Гамонта (Гамолта, Гамолтова), Ивана Хвостова, Вилима Брыса, Александра Крафферта⁴⁷.

28 июня 1670 г. полковник А. Шепелев представил в Устюжскую четь «Роспись, что надобно в московской выборной Агеив полк Алексеевича Шепелева» для предстоящего похода⁴⁸. По сей росписи для похода полковник затребовал попа «со всею утварью церковною», двух цирюльников «с лекарством», четырех кузнецов «с снастями кузнечными» и оружейного мастера «для починки ружья». Согласно росписи, для службы Первому выборному полку, в частности, требовалось 30 знамен, 70 барабанов, 3000 пищалей, мушкетов и банделер и 3000 бердышей, «а пушек – сколько Великий Государь укажет». Пушек Великий Государь указал выдать в полк А. Шепелева 26 единиц⁴⁹, но уже 27 июня в полку А. Шепелева называется 29 пушек⁵⁰. Да сверх той росписи полковник запросил на 2600 солдат из Пушкарского приказа «гранатов ручных»⁵¹. Для службы на начальных людей выборных полков того же 28 числа Оружейный приказ выдал винтованные пищали: 100 пищалей – в Первый выборный полк А. Шепелева и 72 пищали – во Второй Выборный полк М. Кровкова⁵². Тогда же на солдат Первого выборного полка Оружейный приказ выдал 2988 мушкетов и на солдат и начальных людей полка – 3088 банделер⁵³.

Выступление из Москвы выборным полкам и стрелецким приказам объявлялось «плавною (ратью) в судех» вместе с главным воеводой, его товарищем стольником кн. Данилой Афанасьевичем Барятинским и дьяком Афанасьем Ташлыковым, «розведывая про воровских казаков, до которых мест пристойно». Требуемое в выборные полки недостающее вооружение и снаряжение должны были выслать следом уже в армию П.С. Урусова. Согласно указу от 23 июля, в войско кравчего для полка А. Шепелева надлежало отправить с тульского завода Петра Марселиса на тульских подводах готовые бердыши на 1000 солдат⁵⁴. Отпуск московским выборным полкам с Москвы вместе с кравчим и воеводой кн. П.С. Урусовым был сказан и записан 29 июня⁵⁵, но выступила из столицы «плавная» рать несколько позже. Майор Второго полка М. Кровкова Иван Ходырев еще 2 июля получал в Аптекарском приказе лекарства, стопки, кувшины и коробья, «во что те лекарства положить». Лекарства на свой полк для похода майор получил по списку⁵⁶:

- масла «деревянного» – 3 фунта
пластырей:
– «милилотного»
– «стиптиком парацелси» – по 4 фунта
– «белинного» – 2 фунта
мази:
– «белильной» – 9 фунтов
– «диалтеи» – 2 фунта
– «мазираковой» – 4 фунта
– «бобковой» – 2 фунта
скипидару – 3 фунта
яри – 2 фунта
нефти – 2 фунта
«фирьяку» – полфунта
«терпентину» – 2 фунта
мази «вшеной» – 2 фунта
воску белого – 2 фунта.

На приказ Новгородской чети возлагалась обязанность подготовить в Нижнем Новгороде большие струги для волжского похода войск кн. П.С. Урусова. Задачу эту приказ возложил на полуголову московских стрельцов Александра Карандеева, который и передал 19 августа в Нижнем в полк А. Шепелева 28 стругов «на морской ход» и 9 «ясаульных стругов на волской ход», да в полк М. Кровкова – 23 морских струга и 8 ясаульных стругов «на волской ход»⁵⁷. Того же числа из заказанных на Тульских заводов у П. Марселиса бердышей в полк А. Шепелева прислали 250 шт., а для приёма у П. Марселиса остальных 750 бердышей тульский воевода затребовал грамоту из Москвы, из Разряда⁵⁸, которая и была ему отослана 25 сентября 1670 г.⁵⁹

Выборные полки в действующей армии П.С. Урусова – Ю.А. Долгорукова

Главный воевода кравчий кн. П.С. Урусов, отправив шквадрону Второго выборного полка подполковника И. Жданова к Симбирску в полку своего товарища и сходного воеводы Ю.Н. Бярятинского, а полковника А. Шепелева с Первым выборным полком с отрядом другого своего товарища – Д.А. Бярятинского, оставил в своем распоряжении полковника М. Кровкова с основной частью Второго выборного полка. На походе полка боярина кн. Ю.А. Дол-

горукова из Арзамаса на Алатырь 23 сентября 1670 г. кн. Юрию Алексеевичу был объявлен государев указ о назначении его главным воеводой на место кн. П.С. Урусова⁶⁰. После замены Урусова на посту главного воеводы Ю.А. Долгоруковым кн. Петр Семенович не спешил передавать дела новому воеводе и уезжать в Москву, а продолжал снаряжать посылки на мятежников. На это жаловался новый командующий, указывая, в частности, что на 12 ноября кн. Урусов продолжал держать в Казани в своем распоряжении полковника Матвея Кровкова с его полком⁶¹.

Новому главнокомандующему Ю.А. Долгорукову 23 ноября стряпчий М.Б. Челищев привез в Арзамас указные статьи. Согласно царскому наказу, воеводе предстояло идти к Шацким местам и, очищая от мятежников Кадомский и Темниковский уезды, стать с войском в Красной Слободе Темниковского уезда. А в Нижний Новгород кн. Долгорукову предписывалось послать одного из своих товарищей с отрядом для оберегания от повстанцев города и окрестностей. Вопрос об использовании Второго выборного полка М. Кровкова государев наказ полагал на рассмотрение главного воеводы. По сим указным статьям для посылки в Нижний кн. Юрий Алексеевич сформировал во главе со своим товарищем думным дворянином Федором Ивановичем Леонтьевым отряд поместной конницы, усилив выборными солдатами полка Шепелева под командой поручика Дмитрия Кишкина, которым к своему полковнику «пройти было нельзя»⁶².

23 ноября 1670 г. кн. Долгоруков получил вести о «воровских казаках», скапливающихся для нападения на полк Ю.Н. Бяратинского в Нижегородском уезде. И по тем вестям уже на следующий день послал стольника и воеводу Василия Панина с отрядом в с. Солган, после чего ему предстояло идти к Алатырю и Симбирской черте «в сход» с окольничим Ю.Н. Бяратинским для совместных действий⁶³. Сам Ю.А. Долгоруков с войском выступил из Арзамаса к «шацким местам» 29 ноября⁶⁴, а 7 декабря его армия оставила Темников и 9 числа подошла к Красной Слободе⁶⁵. Из Красной Слободы Ю.А. Долгоруков писал 22 декабря своему товарищу думному дворянину Ф.И. Леонтьеву, чтобы со своим полком в Нижний не ходил, а шел в понизовые города для совместных действий с кн. Д.А. Бяратинским, «чтоб однолично в понизовых городех воровство искоренить и воровских заводчиков вывесть»⁶⁶.

По приказу Ю.А. Долгорукова, полученному полковником

Матвеем Кровковым 3 декабря 1670 г., и по памяти от Д.А. Барятинского полковник М. Кровков со Вторым выборным полком передавался в войско кн. Д.А. Барятинского⁶⁷. В связи с чем полковнику предписывалось «со всем полком и со всеми полковыми припасы» из Казани идти в Козьмодемьянск ко кн. Барятинскому. С походом полковник медлил, почему письмо кн. Ю.А. Долгорукова о новом задании идти к Цивильску и сойтись с кн. Барятинским в дер. Харакусах Цивильского уезда получил в Чебоксарах 23 декабря. Кн. Ю.А. Долгоруков своим письмом направил в цивильскую посылку полковника Матвея Кровкова со Вторым выборным полком⁶⁸ по вестям о блокаде Цивильска повстанцами. При этом Второй выборный полк опять-таки должен был войти в отряд кн. Д.А. Барятинского.

Полковник М. Кровков со своим полком был уже в Цивильском уезде, когда к главному воеводе в Красную Слободу 30 декабря 1670 г. прибыли сержанты выборного полка А. Шепелева Иван Волосатый и Пров Берескин с отпиской кн. Д.А. Барятинского, в которой последний извещал о своих действиях против восставших и собственном выступлении в Цивильский уезд против повстанцев⁶⁹. Те же сержанты выборного полка явились и челобитчиками от лица всех урядников и солдат полка о выдаче им заслуженного кормового жалованья за прошлые месяцы и на грядущий январь 1671 г. В распоряжении князя Ю.А. Долгорукова государственной денежной казны на жалованье ратным людям не оказалось, поскольку все было роздано рейтарским полкам, да и той казны не хватило, и боярин доплачивал недостающее из собственных средств. О денежном жалованьи для урядников и солдат Первого выборного полка князь был вынужден отписать в приказ Казанского дворца.

В ходе борьбы местных воевод с отрядами разинцев в некоторых случаях фигурируют выборные солдаты полка А. Шепелева. Из отписки полкового воеводы Ю. Барятинского о бое с С. Разиным 4 сентября под Симбирском и взятии им города становится известно, что местный воевода окольный И.Б. Милославский засел в Малом городке с головами стрелецкими и с солдатами полка А. Шепелева⁷⁰. Также встречаем выборных солдат у богородицкого воеводы Степана Нелединского в 1670 г. Выборных солдат наравне с иными ратными людьми воевода посылал на воровских людей в окрестные места. Так, 7 октября он направил в посылку 20 солдат полка А. Шепелева в Ефремовский уезд, к дор. Гольской,

вместе с которыми надлежало быть ефремовскому стрелецкому голове И. Лаврентьеву⁷¹, а 9 числа по грамоте из приказа Тайных дел пошел сам со всеми ратными людьми против воровских казаков, объявившихся на Плаве-реке⁷². Но за долгими сборами отряда С. Нелединского воровские люди ускользнули с р. Плавы и побежали в степь. Воевода с отрядом гнался за ними Муромским шляхом по их сакме меж Ефремовским и Новосильским уездами до Чернавского городка и далее до Старого Оскола⁷³. Из Чернавского воевода послал вперед себя гонцов из выборных солдат А.Шепелева в полк к кн. Г.Г. Ромодановскому, чтобы они «дороги у них переимали». Воеводского полка на Осколе не оказалось, и выборные солдаты помчались в Острогожск, где нашли Г.Г. Ромодановского и вернулись в Оскол с отрядом ратных людей. Но время было упущено, и воровские люди ушли за вал между Яблоновом и Корочью в Хмелеватые ворота⁷⁴.

Выборные полки в составе войска кн. Ю.Н. Бярятинского

В армии П.С. Урусова полуполковник полка Кровкова И. Жданов с его шквadroной был введен в состав воеводского полка окольничего кн. Юрия Никитича Бярятинского, по крайней мере, когда Урусов послал Бярятинского для деблокады Симбирска. Ю.Н. Бярятинский пытался взять с собой полковника Аггея Шепелева с Первым выборным полком, входившим в состав полка главного воеводы П.С. Урусова. Однако между кн. Бярятинским и полковником Шепелевым произошел конфликт, в который кн. Урусов явно вмешиваться не пожелал. Аггей Шепелев, несмотря на то, что ему на полк предоставлены были подводы для похода, подчиняться Бярятинскому и идти с ним в поход отказался, и Бярятинский отправился в поход без Первого выборного полка. А. Шепелев ссылаясь при этом на то, что подчиняется кн. Урусову, а не Бярятинскому, а Бярятинский, в свою очередь, уверял, что участие А. Шепелева с полком в походе он согласовал, специально ездив для этого к главному воеводе в Казань, а полковник отказался идти «упрямством своим, не хотя служить». Позднее кн. Бярятинский жаловался, что при этом разговоре Аггей Шепелев кричал на него «с великим невежеством... и безчестил при многих людех и при полчанех» кн. Бярятинского.

Одержав победу над разинцами, уже по прошествии некото-

рого времени, Барятинский подал извет на А. Шепелева, приписав все потери и кровопролитие отказу командира Первого выборного полка участвовать в экспедиции войска кн. Барятинского, представляя дело таким образом, что уже само участие этого полка в походе решило бы дело миром или малой кровью: «все те крови зделались от непослушанья и от бунта от Агея Шепелева», а в подробностях извет и свое бесчестье поручил передать словесно жильцу Петру Замыцкому⁷⁵. Но реальная ситуация, видимо, несколько отличалась от картины, что живописует Ю.Н. Барятинский, чем и объясняется, что, во-первых, столь серьезные обвинения остались без наказания и, вероятно, даже без расследования, а с другой стороны, что свой извет Барятинский подал лишь после своей решительной победы и немалых заслуг перед царем и правительством. Несмотря на конфликт воеводы с полковником и позднейшую жалобу кн. Барятинского, Первый выборный полк в его армии все же был представлен. С окольными отправились в поход подполковник Иван Захаров и майор Федор Маматов с двумя шкwadронами второй тысячи полка А. Шепелева (10 рот)⁷⁶.

Из главной армии, стоявшей в тот момент на устье реки Казанки, Ю.Н. Барятинский пошел 15 сентября 1670 г.⁷⁷ А 20 сентября за р. Свиягой, под селцом Куланги, уже встретили отряд «метежников», который и разбили. Последующие бои с повстанцами у полка Барятинского случились: 23 числа у р. Карлы, на следующий день за р. Карлой, под татарской дер. Крысадаки, 27 сентября под мордовской дер. Поклоуш – и все с тем же результатом. После этих столкновений отряды повстанцев не отваживались вступить в бой с отрядом Барятинского, и 29 сентября он пришел к черте в опустевший городок Тогаев, а из него во Мшанск, из которого 1 октября двинулся по крымской стороне черты к Симбирску.

Когда отряд Барятинского подошел за 2 версты до Симбирска к р. Свияге, он встретил большое войско повстанцев во главе с самим С. Разиным. Князь Барятинский со своим полком, «разобрался и устроясь», двинулся на противника. Сойдясь на 20 сажень, смели огнем толпы повстанцев с поля, «сорвали и прогнали»⁷⁸. Но Разин остановил бегство своих отрядов, и, «собрався... со всеми силами, с конными и с пешими людьми и с пушками», вновь атаковал боевые порядки царских войск. Ю.Н. Барятинский выслал вперед конницу, которая после первого столкновения повернула в притворное отступление и навела ринувшихся в наступление разинцев

на боевые порядки развернутой пехоты и артиллерии, которые «ис пушак и из ружья воров побили многих людей»⁷⁹. Бой был упорный и ожесточенный, войска сходились и палили друг в друга почти в упор. Бярятинский в своей отписке так живописал напряжение этого боя: «что люди в людех мешались и стрельба на обе стороны из мелкова ружья и пушечная была в притин ...а бились они с тем воеводо с утра до сумерек»⁸⁰. Смешавшиеся расстроенные отряды повстанцев атаковал сам воевода с конницей, опрокинул и «учал сечь». Правительственные войска одержали полную победу, взяли 120 языков, 4 пушки, 14 знамен и литавры, да и сам С. Разин, будучи ранен, едва избежал плена.

Победоносное войско, сделав 2 моста через р. Свиягу, 3 октября перешло реку и подошло с крымской стороны к Симбирскому кремлю, где сидел в осаде окольный воевода Иван Богданович Милославский. Разин еще предпринял последние отчаянные попытки штурма города со стороны Казанских ворот, но согласованные совместные действия Бярятинского и Милославского произвели на него такое впечатление, что атаман с одними донскими казаками «лехкими людьми», ночью на судах бежал из-под Симбирска, бросив под городом на произвол судьбы почти все свое воинство. Как только открылось бегство атамана, Бярятинский вывел в поле конницу, а пехоту послал на штурм лагеря разинцев и Симбирского посада, в который с другой стороны вошел гарнизон Милославского. Повстанцы пытались пробиться к стругам «отводом», но тщетно. Теперь боевые действия приняли характер избиения деморализованных разинцев. В этих боях подполковник Второго выборного полка И. Жданов был ранен дважды. Общие же потери полка Бярятинского под Симбирском составили 39 убитых и 193 раненых ратных людей разных чинов⁸¹. После разгрома восставших Ю. Бярятинский решил 9 октября выступить на Урень, где по его сведениям скопилось до 5000 повстанцев, и жители которого наиболее последовательно поддерживали мятежников. Всего же в этом походе войско Ю. Бярятинского после выступления из Казани и по взятию городка Урень 12 раз вступало в бой с мятежниками.

После Уренского боя отряд Ю.Н. Бярятинского отошел в Тагаевский городок, где стоял, пока 5 ноября воевода не получил вестей, что на Барыше-реке в Кандарате собрались значительные силы повстанцев во главе с атаманами Ромашкой и Мурзакайкой (мурза Акайка). Уже на следующий день воевода выступил по тем

вестям к Барышу – реке в Усть–Уренскую слободу. Княжеский полк выбил бунтовщиков из слободы, ранив на бою мурзу Акайку и захватив в числе пленных некоторых «завотчиков»⁸². На следующий день, 12 ноября, Ю.Н. Барятинский, наведя 3 моста, перебрался за Барыш–реку со своим полком и с обозом. Правительственные войска от укрепленного лагеря повстанцев под Усть–Уренской слободой разделяла рч. Кондаратка, которую без моста войскам преодолеть было невозможно. Восставшие, располагавшие 12 пушками и имея, по предварительным сведениям Барятинского, порядка 15000 чел. конницы и пехоты, вывели войска на поле на своей стороне рч. Кандаратки. Кн. Барятинский, «разобрався с своими полками и обозом», вывел свои войска на поле на своей стороне речки в ожидании того, что повстанцы, ввиду своего явного численного превосходства, сами атакуют царскую рать. Два войска в ратном строе на дистанции менее полверсты друг от друга простояли с утра до обеда. Тогда Барятинский, «розъездя... и рассмотря места», послал вперед пехоту с пушками и обозом. Солдаты и стрельцы, завалив речку сеном, перешли на другой берег и перевезли за собой пушки и обоз. При этом повстанцы, подойдя к самому берегу, дали бой царской пехоте, пытаясь не допустить переправы, а также сбить солдат и стрельцов обратно за реку: «бой был великой, и стрельба пушешная и мушкетная и безпрестанная», но усилия мятежников оказались тщетными. Когда пехота пробивалась на другой берег Кандаратки, конница Барятинского атаковала конные полки повстанцев. Царские войска нанесли поражение мятежникам на всех направлениях, после чего взяли их обоз, а конница преследовала бежавших за обозом по разным дорогам. Победителям достались 24 знамени, 11 пушек (12–ю затинную пищаль разорвало во время боя) и 323 пленных⁸³. Выбрав из них «завотчиков» и казнив их, большую часть языков, приведя ко кресту, воевода отпустил. Потери правительственных войск составили 13 убитых и 108 раненых. С сеунчем в столицу, в приказ Казанского дворца, поехал подполковник Второго выборного полка Иван Жданов, тяжело раненый в бою, «в правой бок выше паху пробит копьем», подавший отписку в приказе 15 декабря⁸⁴. Не отослав сеунщика к П.С. Урусову, Ю.Н. Барятинский оправдывался опасностью дороги до Казани.

На следующий день, 13 ноября 1670 г., Ю.Н. Барятинский выступил к р. Суре, где встал против с. Парамзина Городища и приводил ко кресту население Алатырского и Саранского уездов.

А 17-го числа «принесли свои вины» горожане Алатыря, к которым кн. Барятинский послал временного воеводу со сводным гарнизоном из 90 солдат и стрельцов. После того кн. Барятинский прошел по черте к Корсуню и к Корсунову и дошел до дер. Котьяковы, где остановился и принял крестоцелование корсунцев и жителей Талького. Обнаружив, что Аргаш и Сурский городки пусты, Барятинский стал опасаться за судьбу Алатыря и двинулся к нему с полком, мобилизовав в свой полк всех городовых стрельцов и казаков городков, мимо которых проходил. Придя в город 23 ноября, кн. Юрий Никитич организовал строительство острога. Получив вести о скоплении повстанцев в Саранске, кн. Барятинский планировал после получения достоверных сведений выступить против них, ожидая, по-видимому, когда раненные его полка «обмогутся».

После назначения главным воеводой на место кн. П.С. Урусова кн. Ю.А. Долгорукова, царская грамота, полученная последним 9 ноября 1670 г., предписала идти с армией в Симбирск, где должны были вновь включить в свой состав полк кн. Ю.Н. Барятинского⁸⁵. Новый воевода отложил свой поход к Симбирску до тех пор, пока войска очистят от повстанцев Темников и Кадом и пока станут реки. 16 ноября по вестям новый главный воевода послал против повстанцев в Арзамасский и Алатырский уезды своего товарища стольника Василия Панина с конницей и стрелецким приказом. А в случае близости кн. Ю.Н. Барятинского, Василию Панину указано сходить с окольными для совместных действий⁸⁶. В их задачу, по указаниям кн. Ю.А. Долгорукова, входило очищение от мятежников и удержание в повиновении Симбирска и Саранска с Симбирской и Саранской чертами⁸⁷.

Уже 7 декабря 1670 г. стольник В. Панин прислал весть окольному кн. Ю.Н. Барятинскому, что против него к Алатырю, к Ямской слободе, подошло большое войско повстанцев из Саранска. Князь, не медля нимало, послал в подкрепление своему товарищу 5 конных сотен и следом выступил сам с полком. Сражение того дня В.Панина с мятежниками, несмотря на некоторый успех правительственных войск, остановила ночь, а после получения подкрепления и соединения с кн. Ю. Барятинским, после ночного марш-броска его полка, объединенные силы воевод подошли под с. Тургенево и стали лагерем в версте от обоза повстанцев в мордовской дер. Баеве. На следующий день, 8 декабря, Барятинский и Панин, «розобрався полками», пошли на приступ «воровского обоза». Войском

повстанцев командовали донской казак Алексей Савельев, татарский мурза Акайко (Мурзакайко) и «розбойник» Янка Микитинский. Силы их воеводы оценивали в 20000 чел., что, конечно, превышает реальную численность восставших, но тот факт, что повстанцы решились на полевое сражение с правительственными войсками, свидетельствует, что по численности их отряды заметно превосходили государевых ратных людей. В то же время оборонительный характер сражения со стороны разинцев показывает, что подход отряда Ю. Барятинского явился для них полной неожиданностью. Тем не менее, повстанцы вышли на поле, построили пехоту и обоз, усилив обоз и позиции своей конницы пушками, а позиции пехоты и обоз, «обметав» рогатками. Сражение развивалось по всем правилам военного искусства Восточной Европы: пехота наступала на пехоту, а конница атаковала конницу, «и учинился бой большой»⁸⁸. По отписке Ю.Н. Барятинского, пехота и конница согласованно опрокинули противостоящие им силы повстанцев, после чего конница преследовала бегущих мятежников 15 верст, а пехота взяла приступом обоз разинцев. Большой, по словам князя, полон, взятый на бою, по приказу воевод был весь казнен. В качестве трофеев царские войска взяли: полк кн. Барятинского – 50 знамен и 16 пушек, полк Панина – 18 знамен и 4 пушки.

После победного сражения воеводы пошли в Алатырь, а из города 11 декабря выступили в Саранск, куда с боя бежал атаман А. Савельев с остатками своего войска. Узнав о походе на Саранск, атаман разинцев ушел в Пензу, а к воеводам за 15 верст от города в Новую Казачью Пятину пришли саранцы и атемарцы и «в винах своих добили челом». После этого уже для «переимки» мятежников воеводы вошли 16 декабря: Юрий Барятинский – в Саранск, а Василий Панин – в Атемар. Вернувшись к Саранску, Барятинский прошел в Инзерский (Петровский) городок, где стал со своим полком, организуя посылки и розыск разбежавшихся мятежников, в первую очередь, их главарей и активистов. Результатом розыска стала поимка мурзы Акайки (Мурзакайко), которого Барятинский отослал в Красную Слободу, к главному воеводе, под конвоем стрелецкого головы Микифора Колобова⁸⁹. Однако самого командира саранских повстанцев атамана А. Савельева ни в Пензе, ни в уездах разыскать не удалось.

В Саранске 18 января 1671 г. воевода провел смотр и награждение ратных людей своего полка золотыми и золочеными копейка-

ми. Списки награжденных показали состав шквадрон выборных полков в армии Ю.Н. Барятинского. Получившие награды золотые копейки начальные люди двух шквадрон Первого выборного полка подполковника Ивана Кириллова сына Захарова и майора Федора Елизарьева сына Маматова в армии князя Юрия Никитича были представлены, помимо своих командиров, 8 капитанами, 9 поручиками и 6 прапорщиками⁹⁰:

капитаны	Федор Харитонов сын Борисов Матвей Осипов сын Ефимьев Гаврило Осипов сын Ефимьев Данило Степанов сын Кудрявцев Петр Ильин сын Курмышев Александров Алексеев сын Ульф Трофим Григорьев сын Ковацкой Гаврило Ефимьев сын Панковской
поручики	Осип Моисеев сын Пересветов Яков Терентьев сын Иноземцев Федор Иванов сын Острая Сабля Яков Алексеев сын Савастьянов Иван Иванов сын Кип Андрей Степанов сын Гольцов Тимофей Иванов сын Черевин Игнатий Федоров сын Пикалов Матвей Елисеев сын Платонов
прапорщики	Семен Филатьев сын Кафтырев Ягуп Микитин сын Цыгоров Лука Михайлов сын Исаков Иван Павлов сын Маматов Семен Васильев сын Козлов Гуга Краферт.

Вместе с двумя шквадронами награжденные золоченые копейки получили каптенармус и 17 солдат полка А. Шепелева, «которые в Синбирску в осаде сидели», а после того с Ю.Н. Барятинским «на боях были»⁹¹. Списки награжденных урядников и солдат подполковника И. Захарова и майора Ф. Маматова показывают структуру и состав их шквадрон, когда все основные бои армии Ю.Н. Барятинского были уже позади .

Возглавляющий вторую роту капитан Ф.Х. Борисов присоединился к шквадронам лишь после разгрома С. Разина под Симбирском, когда и получил под свою команду вторую роту. До того он, будучи ранен при штурме разинцами Симбирска, сидел с вое-

**Первая шквадрона Аггеева полка Шепелева
подполковника И. Захарова⁹²**

№ роты	командир роты	урядники и чиновные люди	рядовые солдаты		всего ниж. чин.
			капральство	кол-во	
1	подполковник И.К. Захаров	сержанты – 3 каптенармус подпрапорщик ротный писарь барабанщики – 2 сипошники – 8 пушкари – 4 капралы – 4	1-е капр-во	23	113
			2-е капр-во	22	
			3-е капр-во	21	
			4-е капр-во	23	
			ИТОГО	89	
2	капитан Ф.Х. Борисов	сержант подпрапорщик барабанщики – 2 капралы – 3	1-е капр-во	15	72
			2-е капр-во	17	
			3-е и 4-е капр-ва	33	
			ИТОГО	65	
3	капитан М.О. Ефимьев	сержанты – 2 каптенармус барабанщик капралы – 3	1-е и 2-е кап-ва	32	73
			3-е капр-во	21	
			4-е капр-во	13	
			ИТОГО	66	
4	капитан Г.О. Ефимьев	сержанты - 3 ротный заимщик подпрапорщик барабанщик капралы – 3	1-е капр-во	18	76
			2-е капр-во	21	
			3-е и 4-е капр-ва	28	
			ИТОГО	67	
5	капитан П.И. Курмышев	сержанты – 2 подпрапорщик барабанщики – 2 капралы – 3	1-е капр-во	22	76
			2-е капр-во	22	
			3-е капр-во	24	
			ИТОГО	68	
ВСЕГО		сержанты – 11 каптенармусы – 2 п/прапорщики – 4 ротный заимщик ротный писарь барабанщики – 8 сипошники – 8 пушкари – 4 капралы – 16 ИТОГО: 55	Рядовые солдаты - 355		410

водой и выборными солдатами в Верхнем остроге в осаде. Во время того же штурма города погиб его брат, также капитан выборного полка. За службы, раны и гибель брата 13 февраля 1671 г. Федор Борисов на основании его челобитья был произведен из капитанов в майоры⁹³.

Солдаты шквადроны полка Кровкова подполковника И. Жданова были расписаны в 5 рот и представлены к награждению старшим капитаном Гаврилой Шетиловым⁹⁵, замещавшим своего командира, отпущенного с тяжелым ранением с сеунчем в Москву после освобождения Симбирска от армии С. Разина и еще не вернувшегося из столицы.

Из этого числа представленных к награждению на 18 января не было в шквадроне нескольких человек, находившихся на тот момент: в Москве с подполковником – сержант, 2 сиповщика и 3 солдата его подполковничьей роты, и из роты капитана Г. Шетилова ротный заимщик и солдат; в Казани – обозничий и ротный заимщик подполковничьей роты, солдаты – один из роты Г. Шетилова и два из роты М. Жданова. Итого из числа представленных к золоченым копейкам отсутствовали 13 урядников и солдат.

Из начальных людей к моменту награждения на 18 января 1671 г. в подполковниковой шквадроне И. Жданова, помимо самого командира шквადроны, состояло 3 капитана, 5 поручиков и 2 прапорщика⁹⁶:

капитаны	Гаврило Гаврилов сын Шатилов (Шетилов) Никита Давыдов сын Жданов Михаил Афанасьев сын Ушаков
поручики	Сава Иванов сын Жданов Корнило Гаврилов сын Жданов Антов Иванов сын Полозов Кузьма Федотов сын Жданов
прапорщики	Богдан Васильев сын Близнацев Борис Иванов сын Близнацев Ануфрий Степанов сын Крюковской.

Если об участии пехоты вообще и шквадрон обоих выборных полков подполковников И. Захарова и И. Жданова и майор Ф. Маматова в частности, в посылках не известно, то роль их в сражении с повстанческой пехотой, штурме обоза и захвате артиллерии разинцев вряд ли можно переоценить. Князь Ю.Н. Барятинский был возвращен в Москву со службы вместе с главным воеводой кн. Ю.А. Долгоруковым в 20-х числах января. В составе полка Ю.Н. Барятинско-

**Вторая шквадрона Аггеева полка Шепелева
майора Ф. Маматова⁹⁴**

№ роты	командир роты	урядники и чиновные люди	рядовые солдаты		всего ниж. чин.
			капральство	кол-во	
1	майор Ф.Е. Маматов	сержанты – 2 каптенармус подпрапорщик ротный заимщик ротный писарь барабанщики – 2 пушкари – 3 капралы – 4	1-е капр-во	14	101
			2-е капр-во	16	
			3-е капр-во	13	
			4-е капр-во	43	
			ИТОГО	86	
2	капитан Д.С. Кудрявцев	сержант подпрапорщик барабанщик капралы – 4	1-е капр-во	18	75
			2-е капр-во	19	
			3-е капр-во	22	
			4-е капр-во	9	
			ИТОГО	68	
3	капитан А.А. Ульф	сержанты – 2 подпрапорщик ротный писарь капралы – 3	1-е капр-во	23	67
			2-е капр-во	19	
			3-е капр-во	18	
			ИТОГО	60	
4	капитан Т.Г. Ковацкой	сержант ротный писарь барабанщики – 2 капралы – 4	1-е капр-во	18	80
			2-е капр-во	16	
			3-е капр-во	16	
			4-е капр-во	22	
			ИТОГО	72	
5	капитан Г.Е. Панковский	сержант барабанщики – 2 капралы – 2	1-е капр-во	22	69
			2-е, 3-е, 4-е капр-во	47	
			ИТОГО	64	
ВСЕГО		сержанты – 7 каптенармус п/прапорщики – 3 ротный заимщик ротные писари – 3 барабанщики – 7 сипошники – 8 пушкари – 3 капралы – 17 ИТОГО: 55	Рядовые солдаты - 350		392

го должны были вернуться в Москву и шкwadроны выборных полков. Оба князя с начальными людьми и московскими чинами своих полков были у руки великого государя 29 января 1671 г.⁹⁷ За свои

**Шкwadрона Матвеева полка Кровкова
подполковника И. Жданова**

№ роты	командир роты	урядники и чиновные люди	рядовые солдаты		всего ниж. чин.
			капральство	кол-во	
1	подполковник И.Д. Жданов	сержанты – 2 обозничий каптенармус ружейный дозорщик подпрапорщик ротный заимщик ротный писарь сиповщики – 12 барабанщики – 5 пушкарь возница капралы – 2	1-е и 2-е капр-во	42	100
			3-е и 4-е капр-во	29	
			ИТОГО	71	
2	капитан Г.Г. Шетиллов	сержант обозничий каптенармус ротный заимщик ротный писарь подпрапорщик пушкарь возница барабанщик – 4 капралы – 3	1-е капр-во	20	74
			2-е капр-во	20	
			3-е капр-во	19	
			ИТОГО	59	
3	капитан М.Д. Жданов	сержанты – 2 каптенармус ружейный дозорщик ротный заимщик ротный писарь подпрапорщик пушкарь возница барабанщики – 4 капралы – 3	1-е капр-во	20	68
			2-е капр-во	16	
			3-е капр-во	17	
			ИТОГО	53	

№ роты	командир роты	урядники и чиновные люди	рядовые солдаты		всего ниж. чин.
			капральство	кол-во	
4	капитан М.А. Ушаков	сержанты – 2 обозничий каптенармус ротный заимщик ротный писарь барабанщики – 2 капралы – 2	1-е капр-во	18	46
			2-е капр-во	18	
			ИТОГО	36	
5	капитан О.И. Жданов	сержант обозничий ротный заимщик ротный писарь барабанщики – 4 пушкарь возница капралы – 2	1-е капр-во	18	70
			3-е и 4-е капр-во	40	
			ИТОГО	58	
ВСЕГО		сержанты – 8 обозничие – 4 каптенармусы – 4 ружейные дозорщики – 2 ротные заим- щики – 5 ротные писари – 5 п/прапорщик – 3 пушкари – 4 возницы – 4 сиповщики – 12 барабанщики – 19 капралы – 11 ИТОГО: 81	Рядовые солдаты - 350		392

заслуги в борьбе с разинщиной окольников Юрий Никитич Барятинский 7 февраля был пожалован боярством⁹⁸. А 19 марта все начальные люди и московские чины обоих воеводских полков во главе с князьями были у стола великого государя, и там же объявлены были им награды за их службы⁹⁹.

Но война с разинцами для новоиспеченного боярина еще не закончилась: к июню 1671 г. его полк вновь находится на службе,

на этот раз в Тамбовском уезде, а из Тамбова спешно идет в Симбирск¹⁰⁰. В июле Ю.Н. Бярятинский уже из Саранска пошел по вестям «в степь», а вернувшись, встал на Пензе¹⁰¹.

Полк А. Шепелева в отряде кн. Д.А. Бярятинского

Полковник Аггей Шепелев с Первым выборным полком, отказавшийся идти с кн. Ю.Н. Бярятинским, был послан П.С. Урусовым из Казани в составе полка стольника кн. Данилы Афанасьевича Бярятинского 17 октября 1670 г. на «изменников на воровских людей и казаков» за Волгу, на Нагорную сторону, для очистки Свяжска, Цивильска, Чебоксар и Козьмодемьянска¹⁰². Первый раз в этой посылке полк Д.А. Бярятинского столкнулся с «ворами» в 20 верстах от Свяжска, на р. Белой Волошке. Воевода оценил силы противника в 500 человек, с которыми бился со второго до восьмого часа дня. На следующий день после выступления войска со стана на берегу Белой Волошки, по дороге к Цивильску, на отряд Д. Бярятинского, двигавшегося обозом в походном порядке, вновь напали повстанцы с большими силами, но в результате боя с первого часа дня до вечера правительственные силы разбили мятежников. Во время боя воевода отправил обоз вперед по дороге под прикрытием головы Юрия Лутохина с его приказом московских стрельцов. Когда последний начал «ставиться станом» на р. Анише, еще до подхода основных сил с воеводой обоз подвергся нападению повстанцев, но Ю. Лутохин благополучно отбил. По мере продвижения отряда по Свяжскому уезду, 22 октября, Д. Бярятинский был атакован под дер. Шотнею и сражался с 4-го часу дня до вечера.

На следующий день, 23 октября, на походе уже в Цивильском уезде, у верховья р. Тобаху, в Котьяковском лесу, за 7 верст от Цивильска, крупные силы повстанцев (воевода определяет их в 10000 чел.) «на том лесу засели дорогу» и напали на отряд, продвигавшийся по территории, охваченной мятежем. Отряд Д. Бярятинского отбил атаку, пробился по дороге и рассеял отряды разинцев. Бярятинский деблокировал Цивильск и, простояв обозом под городом 3 дня, заставил какую-то часть чувашского населения Цивильского уезда отойти от разинцев и присягнуть великому государю в верности¹⁰³. Тогда же, 28 октября, «били челом» великому государю посадские чебоксаряне об отпуске к ним их воеводы Григория Тарбеева, находившегося при войске кн. Д. Бярятинского, что кн. Данила Афанась-

евич и исполнил, дав тому в провожатые 100 ратных людей. Таким образом, отпала необходимость идти с войском в Чебоксары, и Бярятинский 28 октября двинулся через Чебоксарский уезд напрямую к Козьмодемьянску. Но, отойдя 10 верст от Цивильска, еще в том же уезде на р. Унге, обоз Д. Бярятинского подвергся нападению чувашей и черемисы Ядринского, Курмышского и Козьмодемьянского уездов, с которыми царской войско сражалось до исхода дня.

Когда вошли в Козьмодемьянский уезд, не доходя 25 верст до города, 31 октября, отряд вновь был атакован повстанцами. Нападение случилось уже в сумерках, за 3 часа до ночи, когда ратные люди начали ставиться обозом на р. Сундыре. Возглавлял нападавших атаман Пронька Иванов, с ним же находился поп соборной Козьмодемьянской церкви Михайло Федоров. Нападавшие располагали 2 пушками и атаковали обоз с двух сторон. Против главного отряда нападавших, располагавшего пушками, Д.А. Бярятинский выслал из обоза голову Ю. Лутохина с его приказом и полка Шепелева майора Петра Аничкова с его шквadroной, которые отбросили нападавших и сбили одну пушку со станка. Нападавшие ретировались, отбив и увезя на санях сбитую пушку. Против нападавших с другой стороны воевода выслал того же выборного солдатского полка капитанов Петра Игнатьева и Самсона Кишкина с их ротами, которые также нанесли поражение мятежникам. В числе трофеев царским ратникам достались пушечный станок на колесах и 10 языков, которых Д.А. Бярятинский казнил.

К Козьмодемьянску Д.А. Бярятинский подошел 2 ноября и встал обозом, не дойдя версты до городских слобод, дабы дать возможность жителям «добить челом Великому Государю». На послание воеводы ответа не последовало, и «за час до света» следующего дня войско двинулось к городу. Перед городом встретили выпущенных из ворот священников, которые сообщили о готовности мятежников оборонять город от правительственных войск. После этого известия кн. Д.А. Бярятинский решил штурмовать город, для чего, «устроая обоз близко слобод», велел полковнику Аггею Шепелеву с его Первым выборным солдатским полком и головам московских стрельцов Юрию Лутохину и Василию Лаговчину с их приказами «итить к городу на приступ»¹⁰⁴. И ратные люди пешего строя взяли штурмом город Козьмодемьянск, побили мятежников и взяли плен. В числе пленников оказались главари местных повстанцев – их старшина козьмодемьянский посадский человек Иван Шуст и

уже упоминавшийся во главе повстанцев, напавших на отряд кн. Д.А. Бярятинского, поп Михайло Федоров. За весь Козьмодемьянский поход потери Первого выборного полка составили убитыми 10 солдат, а ранеными – 1 поручика Семена Лихачева и 20 солдат. Сравнение с потерями двух стрелецких приказов, где 1 стрелец пропал без вести в посылке, 3 было убито и 14 ранено, показывает что на выборный полк А. Шепелева легла основная тяжесть боев в продолжении всего похода полка кн. Д.А. Бярятинского.

Воевода кн. Д.А. Бярятинский встал с войском в Козьмодемьянске для склонения уездных жителей, чтобы «в винах своих... доби́ли челом» государю, попутно составив роспись города. Когда весть о взятии ратными людьми Козьмодемьянска распространилась, в город к кн. Д.А. Бярятинскому 5 ноября прибыли посланцы Василя-города с заручной челобитной и просили об установлении у них власти вместо сбежавшего 2 октября их воеводы¹⁰⁵. В тот же день с сеунчем к Москве поехал голова московских стрельцов Ю. Лутохин. К моменту его отъезда кн. Д.А. Бярятинский планировал послать против мятежников на Ветлугу, куда бежали многие мятежные козьмодемьянцы, ратных людей, а в Ядрин увещательное письмо местным жителям¹⁰⁶.

К тому времени главным воеводой армии, действовавшей в землях Казанского дворца вместо кн. П.С. Урусова стал кн. Ю.А. Долгоруков, отношения у которого с Д.А. Бярятинским складывались непросто. Ю.А. Долгоруков жаловался царю на Д.А. Бярятинского, что последний к нему о своих действиях не отписывал, а писал напрямую великому государю и с сеунчем послал голову московских стрельцов Юрия Лутохина, «безчестя меня, холопа твоего, мимо меня и не описався со мною»¹⁰⁷. К тому времени главный воевода имел сведения, что отряд Д.А. Бярятинского «перевезся» через р. Суру за 60 верст от Лыскова, но не знал, куда кн. Данила Афанасьевич направился. Вероятно, за полк Д.А. Бярятинского приняли одну из его посылок, поскольку сам воевода стоял в это время в Козьмодемьянске. 10 ноября Ю.А. Долгоруков отправил приказание кн. Данилу Бярятинскому двигаться на Курмыш и Ядрин и над «воровскими людьми промыслы и посылки чинить»¹⁰⁸. По жалобе Ю.А. Долгорукова, приказ Казанского дворца 15 ноября допросил сеунщика Ю. Лутохина. Голова московских стрельцов пояснил, что при посылке Д.А. Бярятинского, согласно наказу П.С. Урусова, кн. Данила Афанасьевич должен был перейти в подчинение нового воеводы после

получения от того вестей о вступлении в должность, каковых до отъезда из полка сеунщика Д.А. Бярятинский не дождался¹⁰⁹.

Попытки стольника кн. Д.А. Бярятинского успокоить восстание казнями «пуших воров и завогчиков», с одной стороны, и увещаниями местного населения, с другой, потерпели крах. Ряд посланных воеводой увещавателей мятежники перебили и, когда прошел первый страх от военного поражения и потери Козьмодемьянска, воспользовавшись увещательной политикой воеводы, собрались с силами и перешли в контрнаступление. В ночь на 16 ноября, в десятом часу ночи, большой отряд повстанцев из Ядрина во главе с атаманом Иваном Константиновым и старшиной безвестно подошел к Козьмодемьянску и неожиданно атаковал отъезжую сторожу, в результате чего всю сторожевую сотню казанских татар «збили». Имея в активе внезапность нападения и воспользовавшись сумятицей, повстанцы подожгли с разных сторон городские слободы и предприняли попытку штурма города. Положение вновь спасла пехота, которая в отблесках начинавшегося пожара от слобод «тех воровских людей отбила»¹¹⁰. Воевода быстро овладел ситуацией и, не дожидаясь утра, послал голову В. Лаговчина с его приказом московских стрельцов и майора Первого выборного полка Петра Аничкова со шквadroной солдат преследовать только что отбитого неприятеля. Посылка догнала нападавших, видимо, не ожидавших такой оперативности от правительственных войск после ночного боя. Голова В. Лаговчин и майор П. Аничков наголову разбили превосходящие, но деморализованные силы мятежников, захватив 30 пленных, 7 знамен и 2 пушки. Отряд Лаговчина–Аничкова потерял на бою убитыми двух сиповщиков и 6 солдат выборного полка да ранеными 6 выборных солдат, стрелецкого сотника и 3 стрельцов.

В таких условиях Д.А. Бярятинский, конечно, не мог сразу оставить Козьмодемьянск и немедленно идти, как того требовал от него Ю.А. Долгоруков, на Курмыш и Ядрин, и, вероятно, не мог послать о себе вестей через пылающую восстанием территорию. Это привело к новому извету Ю.А. Долгорукова на кн. Данила Афанасьевича в неподчинении его приказам и бездеятельности. Причем главный воевода особо отметил, что будь полковник Аггей Шепелев с полком и голова Юрий Лутохин с приказом в составе его полка у Арзамаса, то он бы управился не только с окрестными мятежниками, но и Саранский уезд от повстанцев очистил¹¹¹.

В государевом наказе главному воеводе Ю.А. Долгорукову, полученном 23 ноября, об отряде Д.А. Бярятинского указывалось: послать ратных людей в Галицкий и Козьмодемьянский уезды и в Ветлужскую волость, «чтоб воров искоренить», о чем кн. Юрий Алексеевич 23–24 ноября отправил грамоту кн. Данилу Афанасьевичу¹¹². Тем не менее, Ю.А. Долгоруков 24 ноября писал в отписке, что все еще ожидает Д.А. Бярятинского к себе, а последний по двум отпискам к себе главного воеводы «ис Кузьмодемьянска в Ядрин и на Курмыш нейдет неведомо зачем»¹¹³. Д.А. Бярятинский, по словам кн. Ю.А. Долгорукова, нужен был ему для посылки в Нижний берець от повстанцев город и ближайшие уезды.

Не вполне понятно, какую цель преследовал главный воевода, давая Д.А. Бярятинскому фактически взаимоисключающие распоряжения. Хотел ли кн. Ю.А. Долгоруков дискредитировать в глазах великого государя кн. Д.А. Бярятинского или только подстраховаться перед царем на случай каких-либо неожиданных действий повстанцев на территории от Козьмодемьянска до Нижнего? Мы склоняемся ко второй версии, ибо так называемые поиски «козла отпущения» – одна из наиболее часто встречающихся мотиваций соответствующих действий у лиц, облеченных властью на любом уровне и любом поприще человеческой деятельности. Да и собственно Ю.А. Долгоруков во время боя на р. Басе с польско-литовской армией вел себя в отношении кн. И.А. Хованского, командовавшего Новгородской армией, совершенно аналогично данной ситуации, на этот раз с подчиненным ему кн. Д.А. Бярятинским.

Кн. Данила Бярятинский оказался в Козьмодемьянске в непростой ситуации, когда уход войска из города мог привести к новому захвату его повстанцами. Установление власти в окрестных уездах также шло с переменным успехом. Так, посланных им для увещевания жителей Ядрина монастырского старца и посадского человека горожане убили. Когда же князь собрался в поход на Ядрин, повстанцы из города ушли, прихватив пушки, порох и провизию, а оставшиеся горожане «добили челом» воеводе. По тем вестям, 3 декабря в погоню за мятежниками кн. Данила Афанасьевич отрядил подполковника полка Шепелева Василия Бюста не то со шквadroной, не то с тысячей выборных солдат¹¹⁴. Но уже на посылку гарнизона в Ядрин у воеводы сил не оставалось. Как становится известно из коллективной челобитной от лица всех нижних чинов полка о корме, написанной в декабре 1670 г., потери выборных уряд-

ников и солдат в полку Д.А. Барятинского после взятия Козьмодемьянска составили 22 человек убитыми и 80 человек ранеными, выздоровления которых, по возможности, также следовало дождаться¹¹⁵. Главному воеводе стольник обещал, что пойдет из Козьмодемьянска к Курмышу тотчас, как вернется из посылки подполковник В. Бюст и как придут полковые запасы из Казани¹¹⁶. Для поддержки Д.А. Барятинского Ю.А. Долгоруков велел идти из Арзамаса на Курмыш и Ядрин другому своему товарищу, думному дворянину Федору Ивановичу Леонтьеву, поскольку у первого в полку пехоты «не мало», а конницы мало, а у второго все наоборот¹¹⁷. Таким образом, два воеводы, по мысли кн. Долгорукова, будут чудесно дополнять друг друга.

Однако Д.А. Барятинский все еще стоял в Козьмодемьянске до 27 декабря 1670 г., когда по вестям от гражданского воеводы Т. Бестужева, блокированного восставшими, сам выступил к нему на помощь¹¹⁸. Для удержания Козьмодемьянска князь оставил воеводой майора Первого выборного полка Петра Аничкова с 60 выборными солдатами и сводным из двух приказов отрядом в 40 московских стрельцов. Перед гражданским походом воевода отпустил со своей отпиской к Ю.А. Долгорукову в челобитчиках двух сержантов полка Шепелева, поскольку обоз, пришедший из Казани 24 декабря, не смог привезти ни денег, ни хлебных запасов. Ю.А. Долгоруков должен был усилить полк Д.А. Барятинского Вторым выборным полком М. Кровкова. Но полковник М. Кровков, получивший приказ главного воеводы о своем походе из Казани в Козьмодемьянск к Д.А. Барятинскому еще 3 декабря, к 23 декабря дошел только до Чебоксар, где его застало новое распоряжение главного воеводы о походе в Цивильский уезд против повстанцев¹¹⁹. Полковник и воевода должны были сойтись в дер. Харакусах Цивильского уезда.

Из Чебоксар полковник М. Кровков вошел в Цивильский уезд 28 декабря и пришел в дер. Богатыри, оказавшуюся пустой. Продвигаясь на соединение с кн. Д.А. Барятинским, полковник М. Кровков получил от последнего память 30 декабря, находясь в Богатыревской волости Цивильского уезда¹²⁰. М. Кровкову предписывалось приводить к шерти цивильских чуваш и черемис, а также проводить полное следствие с судом и расправой в отношении лидеров и активистов («пущих воров и заботчиков и воровских начальников») восстания, «чинить промысел» над действующими от-

рядами повстанцев, ссылаясь с Д.А. Барятинским и с гражданским воеводой. Укрепив таким образом государственную власть на данной территории, полковник должен был прийти в полк к воеводе в Сарминскую волость. На следующий день, продвигаясь по уезду, полк вошел в также оставленную жителями дер. Досакас Убеевской волости. Все люди, животные и припасы были укрыты в лесах, а многие дороги, по которым шел полк, перекрыты завалами («набиты»).

Остановившись в дер. Досакас, полковник послал разъезды по всем дорогам, на одной из которых разведчики «наехали» в лесу засеку. По тем вестям на засеку полковник послал подполковника Петра Скорикова и майора Ивана Ходырева. Судя по всему, со второй тысячей Второго выборного полка. П. Скориков засеку взял приступом, нанеся поражение отряду оборонявших ее повстанцев. Видимо, здесь в бою выборный солдат Иван Харитонов взял чувашина, которого в деревне бывшие при полку гражданские опознали как «служивого тархана» Пахтемейка Ахтубаева, атамана повстанческого отряда «из гражданской половины», который водил свой отряд на Цивильск, Козьмодемьянск и на войско Д.А. Барятинского. Под пыткой атаман назвал всех руководителей повстанцев в окрестных местах. Для их поимки полковник использовал приведенных к шерти чувашей той же волости, которые, «исправляя свои вины», сыскали и привели к полковнику двух атаманов, есаула и двух прапорщиков повстанческих отрядов. Допросы и пытки дали следствию еще больший объем информации. В частности, выяснилось, что данные начальные воровские люди только 5 дней как приехали из дер. Дуванов Цивильского уезда, где у восставших сложился местный организационный центр повстанческого движения, для разведки и мобилизации местного населения в повстанческие отряды. После прояснения общей картины повстанческого движения в регионе, полковник смог предпринять наиболее результативные шаги к подавлению восстания в зоне досягаемости своих войск.

1 января 1671 г. М. Кровков послал капитанов Степана Левашева и Василия Репьева с их ротами в деревни Карайкасы и Досаеву, среди жителей которых, по сведениям полковника, имелось наибольшее количество сторонников восстания. Еще не доходя до тех деревень, капитаны столкнулись с крупными силами повстанцев¹²¹. Это были объединившиеся отряды разинцев из Цивильского,

Чебоксарского, Курмышского и Ядринского уездов, шедшие на полк М. Кровкова с целью освобождения своих недавно захваченных начальных людей и имевшие задание от атаманов Сергуши Васильева и Ивана Беспалого не допустить полк М. Кровкова за р. Сорму. При встрече с сильно превосходящим противником капитаны послали к полковнику за помощью. Для их поддержки М. Кровков оперативно выслал майора Ивана Ходырева и капитана Федота Уварова с их ротами и с пушками, с появлением которых исход боя был предreshен, хотя повстанцы сражались стойко и упорно весь день «с первого часу до последнего» (с 8 ч. 5 мин. до 16 ч. 5 мин.). Роты выборных солдат, поддержанные артиллерийским огнем, сбили повстанцев с их позиций и погнали в направлении дер. Яндобы Курмышского уезда. В бою выборный полк потерял убитыми 3 солдат, а характер ранений 3 начальных людей, урядника и 4 солдат свидетельствует об ожесточенности схватки, доходившей до рукопашной¹²²:

<i>чин</i>	<i>имя</i>	<i>характер ранения</i>
капитан	Степан Левашев	рогатиной в правую руку, вдоль по ладони
прапорщик	Микифор Мешеринов	топором по правой руке, по персту большого пальца
прапорщик	Марко Голчин	топором по правой руке, по персту большого пальца
капрал	Микита Михайлов	из лука в двух местах: в правую руку пониже плеча да в левый бок
солдат	Филька Иванов	косою рублен по голове да кистенем бит
солдат	Ганька Микитин	из лука в голову подле левого глаза, и стрельное железцо в голову
солдат	Ларион Кондратьев	топором рублен по спине и бит кистенями
солдат	Левонтий Лукьянов	из лука прострелен в левую руку пониже плеча

О том же говорит и достаточно скромное количество (всего 7 крестьян из нерусского населения Цивильского и Курмышского уездов) пленных повстанцев, которые все попали в плен, будучи ранены.

Когда у высланного отряда развернулись бои с повстанцами, обнаружилось, что к самой дер. Досакас, где стоял полковник М. Кровков с полком и обозом, по другой дороге приближается

отряд мятежников. Видимо, этот отряд отбили легко и без потерь, а сам М. Кровков с полком и обозом двинулся вослед посланным ротам и отступающим повстанцам. В ходе преследования отступавших выборные солдаты вышли под дер. Каракос к Сорминской мельнице, где был стан повстанцев, и откуда те начали свое наступление тремя дорогами в направлении деревень Дуракасы и Досаево. При обратном же движении отступавшие разинцы от мельницы побежали в дер. Яндобы. Собрав там свое разбитое войско, атаман Сергуша Васильев увел людей под обоз Д.А. Барятинского.

В воде под самой Сормовской мельницей выборные солдаты обнаружили свежее захоронение. Как выяснилось несколько позже, то была группа из 18 «русских людей» – «иноземцев и стрельцов», ехавших из Казани в Ядрин и перехваченных войском повстанцев 1 января в районе Сормовской мельницы¹²³. Тогда же по приказу атамана дер. Алменевы Итубая Мамаева их посекали и пометали в воду. Слух об этой казни среди восставших увеличил число казненных более чем до 50 чел. Из воды удалось вытащить 17 свежих трупов, но под влиянием рассказов пленных солдаты были убеждены, что за пределом их досягаемости осталось еще больше трупов, сокрытых зимним омутом.

Пока полк стоял в дер. Досакас, в обозе солдаты задержали лазутчика повстанцев Ир্তুпанка Иямендаева, жителя чувашской дер. Каракас. На следующий день, 2 января 1671 г., Второй выборный полк вошел в «воровскую» дер. Каракасы, оставленную жителями¹²⁴. По приказу полковника деревню выжгли, а захваченного лазутчика допрашивали и пытали. По полученным от него сведениям был послан подполковник Петр Скориков, надо полагать, со второй тысячей полка, а также Янмурза (Ян-мурза) с присягнувшими чувашами дер. Кибески для поимки «воровского полковника» дер. Каракас Байдулки Искеева. И в той посылке Петр Скориков разбил мятежников, и «их воровской сброд посекали» и захватили в плен искомого Байдулу Искеева. При допросе выяснилось, что пойманный деревенский «воровской полковник» вместе с деревенским же атаманом Искеем Тойдемирком Емайдиным водили своих людей против полков обоих князей Барятинских – Юрия Никитича и Данила Афанасьевича.

По сведениям Байдулы Искеева, против полка М. Кровкова собрались повстанческие отряды в деревнях Яндубах (Яндобах) и Сорме, по 2000 чел. в каждой. Полковник решил опередить мятеж-

ников и предпринял поход в Яндубинскую волость Курмышского уезда на дер. Яндубы, куда и вошел с солдатами 4 января, обретя оную пустой¹²⁵. Захваченные языки показали, что все местные жители сидят в лесах в засеках, почему на следующий день М. Кровков отправил по наводке к лесной засеке майора Ивана Ходырева, надо полагать, с его шквadroной. Шквadroна И. Ходырева в ходе лесного боя засеку взяла и повстанцев разбила, а в качестве трофеев майору в числе пленных достались атаман дер. Нарусовы Цивильского уезда Изылбай Кабаев, есаул дер. Яндобы Туттома (Туткенен) Мамаев да прапорщик дер. Богатырей Мурзайка Арылсилаев. Пленный Туткенен Мамаев 6 января указал активиста повстанческого движения чувашенина дер. Яндобы Большой Уренийка Бакина, бывшего у повстанцев и сотником, и разведчиком, и проводником, и палачом на Сорминской мельнице, и лазутчиком, прибравшимся в полк Аггея Шепелева.

Сам воевода кн. Д.А. Бярятинский, выступив со своим полком из Козьмодемьянска, 29 декабря 1670 г. пришел в д. Харакусы Цивильского уезда. Устроившись в деревне обозом, воевода послал людей для добывания конских кормов в Сарменскую волость Ядринского уезда. Поехавшие за кормами, видимо, уже на обратном пути на подъезде к дер. Харакуз подверглись нападению, но смогли подать весть о мятежниках. И по тем вестям князь немедля выслал к ним на помощь майора Первого выборного полка Семена Воейкова с его шквadroной и полуголову Александра Карандеева со стрелецким приказом, которые выручили фуражиров. Повстанцы при появлении майора и полуголовы, судя по краткости упоминания в документе, ретировались, не вступая в бой с организованной военной силой¹²⁶. Новоиспеченному ядринскому воеводе Феофилу Бобровичу 1 января передали весть от замиренной ядринской черемисы, что объединенный отряд мятежной чебоксарской черемисы пошел на полк полковника А. Шепелева «на драку»¹²⁷. Возможно, именно этот отряд спугнули майор С. Воейков и полуголова А. Карандеев.

Д.А. Бярятинский, выйдя из дер. Харакусы, 4 января вступил в Сарминскую волость Ядринского уезда. Когда его полк стал обозом, появились повстанцы, которые атаковали лагерь воеводы. По его сведениям, количество повстанцев достигало 3000 чувашей и черемисов Ядринского, Цивильского, Курмышского и Чебоксарского уездов, а возглавляли войско восставших атаманы Сергей Васильев и ядринский чуваш Семейка Ченекеев. Судя по нападению на отряд

воеводы, даже численно превосходивший повстанцев, разведка у повстанцев была организована плохо. Элитная московская пехота без особого труда разбила мятежников, захватив в плен 50 нападавших, которые по приказу воеводы все были казнены. В качестве ответного хода князь послал майора выборного полка Григория Юшкова с его шквadroной в дер. Большие Туваны Курмышского уезда, население которой, по сведениям воеводы, приняло активное участие в восстании. Г. Юшков разбил повстанцев, пытавшихся защищать деревню, и 8 января вернулся из посылки, не потеряв ни одного человека.

В тот же день, 8 января 1671 г., в войско Д.А. Бярятинского пришел полковник М. Кровков со Вторым выборным полком, приведя с собой пленных 30 «пуших воров: атаманов, есаулов, знаменщиков и пуших завогчиков», которых после допроса воевода также всех казнил¹²⁸. На 11 января потери выборных полков, «как шли из Кузьмодемьянска на воровских людей»¹²⁹, составили убитыми: в полку А. Шепелева – 2 поручика и 36 солдат; в полку М. Кровкова – 3 солдата. Тогда же ранено: в Первом выборном полку – 2 поручика и 18 солдат; во Втором выборном полку – капитан, 2 прапорщика и 5 солдат. Роспись отряда Д.А. Бярятинского на 11 января 1671 г. показывает наличный состав начальных людей и солдат в выборных полках.

Список Первого выборного полка А. Шепелева в полку Д.А. Бярятинского в походе:

полковник
подполковник
2 майора
12 капитанов
капитан–поручик
24 поручика
квартирмейстер
18 прапорщиков
обозничий
1420 урядников и солдат.

В Казани у государевой казны, у пушек, у пушечных и хлебных запасов оставлены: поручик, с ним 11 солдат, 3 солдата оставлены по болезни.

В Кузьмодемьянске оставлен воеводой подполковник П. Аничков, а с ним 60 солдат.

В Нижнем Новгороде – поручик Дмитрий Кишкин с 32 солдатами, которые не смогли пройти к полковнику в полк и были оставлены у воеводы в гарнизоне города.

Список Второго выборного полка М. Кровкова в полку Д.А. Барятинского в походе:

полковник

подполковник

майор

9 капитанов

капитан–поручик

8 поручиков

11 прапорщиков

802 урядника и солдата (в т.ч. 53 больных и раненых).

В Казани у хлебных запасов, у вина и с больными оставлены: 2 капитана, поручик, 5 прапорщиков, 64 урядника и солдата.

Оставленные в Казани начальные люди и солдаты выборных полков использовались местной властью для борьбы против окрестных повстанцев. Так, в бою с мяжниками под Тетюшами Казанского уезда получил рану поручик Второго выборного полка М. Кровкова Роман Бирев. В награду за службы и рану, согласно памяти из Казанского дворца в Разряд от 8 февраля 1671 г., поручик получил придачу к своему окладу поместного 100 четей и денег 5 руб.¹³⁰.

Кроме перечисленных выборных полков, в войске Д.А. Барятинского имелись 2 приказа московских стрельцов, общая численность которых составляла порядка 900 чел. Ранее уже упоминалось, что конницы в полку воеводы кн. Д.А. Барятинского было совсем немного, так что основу его войска, его ударную силу составляли московские выборные полки солдатского строя. Неизменно успешные военные действия против восставших воеводы князя Д.А. Барятинского и пришедшего к нему в полк полковника М. Кровкова привели к тому, что все основные отряды повстанцев были разгромлены, организованное сопротивление правительственным войскам сломлено. Успех был достигнут в силу продуманных (почти безошибочных) комплексных последовательных шагов командующих правительственными силами. Убедившись после взятия Козьмодемьянска, что поражением повстанцев на поле боя и уговорами местного населения «не приставать к ворам» мир и порядок в регионе не установить, кн. Данила Афанасьевич меняет тактику дей-

ствий, демонстрируя готовность не только прощать и миловать, но и наказывать и карать. Активно собирается информация о повстанцах, присягнувшее местное население привлекается к активным действиям на стороне правительственных войск. Д.А. Барятинский перехватывает инициативу действий у разинских атаманов. Приведение к шерти и ко кресту местного населения сочетается с жесткими карательными акциями по выжиганию непокорных деревень, казням захваченных на боях повстанцев, розыску и казням руководителей и активистов восстания («пущих воров»). В результате действий Д.А. Барятинского повстанческое движение в регионе было подавлено.

Признанием успехов отряда Д.А. Барятинского в борьбе с повстанцами и в восстановлении государственной власти на местах стал приказ главного воеводы Ю.А. Долгорукова кн. Барятинскому покинуть прежний регион его действий и, не мешкая, идти со своим полком к Тамбову¹³¹. При этом у князя изымался полковник А. Шепелев со шквadroной его полка в 600 выборных солдат¹³². Таким образом, в полку кн. Барятинского оставался полковник М. Кровков со Вторым выборным полком и часть (тысяча или шквadroна) Первого выборного полка во главе с подполковником силой более чем в 800 урядников и солдат. Полковник же А. Шепелев, оставаясь командиром выборного полка, по совместительству назначался воеводой в Свияжск для удержания в повиновении очищенной от разинцев территории и промысла над «достальными воровскими людьми». «Чинить промысел» над оставшимися повстанцами полковник должен был в сотовариществе с думным дворянином и полковым воеводой Федором Ивановичем Леонтьевым, к которому назначался «в сход».

Еще в начале декабря 1670 г. в Черкасске был раскрыт заговор сторонников С. Разина против казачьей старшины, глава заговорщиков Яков Гаврилов был убит. Раскрытие заговора и казнь главы заговорщиков привели к открытому размежеванию в среде донского казачества между разинцами и казаками, оставшимися верными правительству. Казачья старшина начала постепенно возвращать себе власть над Доном. Остановить падение своего влияния на Дону С. Разин, потерпевший поражение на Волге, мог лишь находясь в столице донского казачества, в городе Черкасске.

В феврале 1671 г. С. Разин подошел к Черкасску, но в город атамана с его окружением не впустили. В течение недели С. Разин

простоял под стенами казачьей столицы, надеясь попасть в город, но тщетно: ему ни с чем пришлось вернуться в Кагальницкий городок. Тогда же донская старшина Черкаска обратилась в Москву с просьбой прислать на Дон войска для поддержки верных правительству казаков. По их просьбе на Дон направили боевого полковника Г. Косагова с отрядом войск нового строя (2000 рейтар и драгун). Опираясь на присланный отряд полковника Г. Косагова, верные правительству донские казаки 14 апреля взяли и сожгли Кагальницкий городок, перебив окружение С. Разина, захватив его самого и его брата Фрола и доставив их в Черкасск в качестве пленных. В Москву пленников привезли 4 июня 1671 г., а уже 6 числа Степана и Фрола Тимофеевичей Разиных казнили отсечением головы.

Признанием значения и заслуг московских выборных полков солдатского строя в борьбе с Разинщиной стала жалованная грамота Первому выборному полку с перечислением всех служб, страданий и смертей ратных людей полка «за святую церковь, и за нас Великого Государя, и за все Московское государство»¹³³. Формуляр этой грамоты составили в сентябре 1671 г., каковы «государские жалованные грамоты даны будут выборного Агеева полку дворяном и детям боярским, которые в пехотном строе в том полку, всякому особно, в вечныя роды за их службы». Издатели этого документа, как и В.И. Буганов в специальном исследовании, посвященном источникам по истории Разинской смуты¹³⁴, особо подчеркнули, вынеся в заголовок, что речь идет о дворянах и детях боярских полка Шепелева. Однако в приведенной выше цитате кроется одна тонкость, не замеченная издателем, что связано, может быть, не столько с их идеологическими установками и предпочтениями, сколько с тем, что они не занимались специальным изучением истории выборных полков. Дело в том, что в Первом выборном полку изначально удельный вес солдат, поверстанных за службу, был очень высок, но и позднее в полк переводились верстанные за службу солдаты, а после каждой серьезной кампании, ни одной из которых выборные полки не пропустили, следовало верстание за безупречную службу новых, еще не верстанных солдат. За походы, бои и службы против разинцев всех неверстанных участников должны были поверстать поместными и денежными окладами. Таким образом, все солдаты, которые добросовестно прошли через горнило Разинщины, должны были переместиться из списка вольных людей в

единый список с детьми боярскими. Теперь, когда этот факт можно считать установленным, документ читается несколько иначе и, позволительно сказать, более естественно. Ясно, что речь в жалованной грамоте идет о всех ратных людях: начальных людях, урядниках и солдатах полка, добросовестно и беспорочно прослуживших в нем в годы Разинской смуты.

Итак, сохраняя выборные солдатские полки в качестве организованной боевой единицы, правительство использовало их для исполнения весьма широкого спектра задач, помимо борьбы с внешним врагом. Начальные люди и солдаты выборных солдатских полков привлекались для внутреннего сыска по уголовным делам, для сопровождения и охраны материальных ценностей, а также опальных персон (полковник А. Шепелев конвоировал в ссылку низложенного патриарха Никона)¹³⁵. Возложение подобных служб на пребывающих в Москве в постоянной готовности начальных людей и солдат вполне понятно и идентично в предшествующей и современной выборным полкам традиции функциям московских стрельцов, а в перспективе – точно таким же службам сержантов и капралов Петровской гвардии. Выборные полки были привлечены к борьбе с восставшими башкирами, а после восстановления государственной структуры на территории Башкирии выдворяли из внутренних пределов страны донских казаков В. Уса. По завершении войны с Польшей выборные солдатские полки вынесли во многом на своих плечах борьбу с сепаратистским движением на Украине и вторгнувшимися для его поддержки войсками правобережного гетмана и крымского хана. Против С. Разина эти полки были брошены в самый напряженный момент борьбы с повстанцами. Трудно переоценить заслуги выборных солдатских полков в годы Разинской смуты, наравне с московскими стрельцами вынесшими основную тяжесть боев с повстанцами, что не единожды было отмечено в документах тех лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Буганов В.И. Разин и разинцы. Документы, описания современников. М. 1995. С. 283.

² Малов А.В. Выборные полки солдатского строя. 1656–1671 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 10–12.

³ РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 1. 1657 г. № 2. Л. 257.

⁴ Там же. 1660 г. № 50. Б/ф.

⁵ Там же. 1660 г. № 94. Л. 122.

⁶ Там же. 1660 г. № 128. Л. 35–38, 46.

⁷ Там же. 1660 г. № 94. Л. 123.

⁸ Память из приказа Казанского дворца от 2 августа 1661 г.: Там же. 1660 г. № 94. Л. 449; память Устюжской чети полковнику А.Шепелеву того же дня: Там же. 1660 г. № 94. Л. 450.

⁹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. Т. I. 1666 – июнь 1670. М., 1954. С. 35. (далее –КВ).

¹⁰ *Чистякова Е.В., Соловьев В.М.* Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 113–115.

¹¹ Там же. С. 117.

¹² О московском выборном солдатском полку Матвея Осиповича Кровкова см.: *Малов А.В.* Социальный состав московских выборных полков и вопрос о природе войска нового строя (на примере московского полка Аггея Шепелева) // Политические институты и социальные страты России (XVI–XVIII вв.). Тез. международной конференции 2–3 октября 1998 г. М., 1998. С. 82–85; *Он же.* Начало выборных полков – предшественников петровской гвардии // «За веру и верность». 300 лет Российской императорской гвардии. Тез. научной конференции. СПб., 2000. С. 56–59; *Он же.* Государевы московские выборные полки солдатского строя: Краткий очерк истории и организации // Военно–исторический журнал «Цейхгауз». Вып. 13. 2001. № 1. С. 2–7; *Он же.* Государевы московские выборные полки солдатского строя: Командиры выборных полков // Военно–исторический журнал «Цейхгауз». Вып. 14. 2001. № 2. С. 2–7; *Он же.* Начало московских выборных солдатских полков // Архив русской истории. Вып. 8 (в печати).

¹³ КВ. Т. I. С. 40.

¹⁴ Там же. Т. I. С. 44.

¹⁵ Там же. Т. I. С. 45.

¹⁶ Там же. Т. I. С. 49.

¹⁷ Там же. Т. I. С. 49–52.

¹⁸ Там же. Т. I. С. 46–47.

¹⁹ Там же. Т. I. С. 53.

²⁰ Там же. Т. I. С. 55–56.

²¹ Там же. Т. I. С. 58–63.

²² Там же. Т. I. С. 63.

²³ Там же. Т. I. С. 65.

²⁴ Там же. Т. I. С. 67.

²⁵ Там же. Т. I. С. 165–166.

²⁶ Дела Тайного приказа. Кн. 3 (РИБ. Т. 23), СПб., 1907. Стб. 1332. (далее – ДТП).

²⁷ ДТП. Кн. 3. Стб. 1344.

²⁸ ДТП. Кн. 3. Стб. 1345.

²⁹ КВ. Т. I. С. 198.

³⁰ Там же. Т. I. С. 174.

³¹ РГАДА. Ф 141. 1670 г. № 393. Л. 143.

³² Там же. 1670 г. № 393. Л. 58.

³³ Там же. 1670 г. № 304. Л. 3; № 306. Л. 3.

³⁴ Там же. 1670 г. № 393. Л. 57.

³⁵ Там же. 1670 г. № 393. Л. 22.

³⁶ Там же. 1670 г. № 393. Л. 143–145.

³⁷ Там же. 1670 г. № 393. Л. 62–65, 67–68, 78–81.

³⁸ Там же. 1670 г. № 393. Л. 78, 143–144.

³⁹ Там же. 1670 г. № 306. Л. 1–3.

⁴⁰ Там же. 1670 г. № 393. Л. 15–19.

⁴¹ В том же месяце пожалован в поручики, а на его место произведен из сержантов Семен Филатов сын Кафтырев: Там же. 1670 г. № 393. Л. 53–53 об., 54–54 об.

⁴² Там же. 1670 г. № 393. Л. 20–22.

⁴³ Там же. 1670 г. № 393. Л. 82–84.

⁴⁴ Там же. 1670 г. № 393. Л. 85–87.

⁴⁵ Там же. 1670 г. № 393. Л. 25.

⁴⁶ Там же. 1670 г. № 393. Л. 102–110, 116–120.

⁴⁷ Там же. 1670 г. № 393. Л. 110–115, 121–136.

⁴⁸ Там же. 1670 г. № 393. Л. 26–29.

⁴⁹ Там же. 1670 г. № 393. Л. 39.

⁵⁰ Там же. 1670 г. № 393. Л. 99.

⁵¹ Там же. 1670 г. № 393. Л. 34.

⁵² Там же. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 1. № 13088. Л. 1.

⁵³ Там же. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 1. 1670г. № 384. Л. 1.

⁵⁴ КВ. Т. I. С. 227.

⁵⁵ РГАДА. Ф 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 5. № 821. Л. 142.

⁵⁶ Материалы для истории медицины в России. Вып. 2. СПб., 1883. № 435. С. 387–388.

⁵⁷ КВ. Т. II. август 1670 – январь 1671. Ч. I. Массовое народное восстание в Поволжье и смежных областях. М., 1957. № 13. С. 21.

⁵⁸ Там же. Т. II. Ч. I. № 40. С. 53.

⁵⁹ Там же. Т. II. Ч. I. № 68. С. 80–81.

⁶⁰ Там же. Т. II. Ч. I. № 274. С. 336.

⁶¹ Там же. Т. II. Ч. I. № 212. С. 261.

⁶² Там же. Т. II. Ч. I. № 252. С. 305.

⁶³ Там же. Т. II. Ч. I. № 255. С. 308–309.

⁶⁴ Там же. Т. II. Ч. I. № 266. С. 326.

⁶⁵ Там же. Т. II. Ч. I. № 310. С. 391.

⁶⁶ Там же. Т. II. Ч. I. № 355. С. 451–452.

⁶⁷ Там же. Т. II. Ч. I. № 397. С. 514.

⁶⁸ Там же. Т. II. Ч. I. № 387. С. 505.

⁶⁹ Там же. Т. II. Ч. I. № 387. С. 504–505.

⁷⁰ Там же. Т. II. Ч. I. № 41. С. 54.

⁷¹ Там же. Т. II. Ч. II. Восстание на юге и волнения в других областях Русского государства. М. 1959. С. 171.

⁷² Там же. Т. II. Ч. II. С. 163–164.

⁷³ Там же. Т. II. Ч. II. С. 164–165.

⁷⁴ Там же. Т. II. Ч. II. С. 175–177.

⁷⁵ Там же. Т. II. Ч. I. № 163. С. 195.

⁷⁶ Там же. Т. IV. Дополнительный. М. 1976. № 21. С. 22.

⁷⁷ Там же. Т. II. Ч. I. № 118. С. 138.

⁷⁸ Там же. № 118. С. 138–139.

⁷⁹ Там же. № 190. С. 225.

⁸⁰ При чтении отписки Барятинского невольно возникает ассоциация с описанием Полтавского и Бородинского сражений в знаменитых произведениях А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

⁸¹ КВ. Т. II. Ч. I. № 118. С. 139.

⁸² Там же. Т. II. Ч. I. № 251. С. 302.

⁸³ Там же. Т. II. Ч. I. № 251. С. 303.

⁸⁴ Там же. Т. II. Ч. I. № 251. С. 304.

⁸⁵ Там же. Т. II. Ч. I. № 212. С. 258.

⁸⁶ Там же. Т. II. Ч. I. № 231. С. 279.

⁸⁷ Там же. Т. II. Ч. I. № 266. С. 327; № 312. С. 398.

⁸⁸ Там же. Т. II. Ч. I. № 363. С. 462.

⁸⁹ Его же Долгоруков послал с сеунчем и отпиской в приказ Казанского дворца 26 декабря: КВ. Т. II. Ч. I. № 363. С. 463.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. Кн. 37. Л. 199–205.

⁹¹ Там же. Кн. 37. Л. 239–239об.

⁹² Там же. Ф. 210. Книги Московского стола. Кн. 37. Л. 205об.–221об.

⁹³ Там же. Ф. 141. 1671 г. № 69. Л. 1–1об.

⁹⁴ Там же. Ф. 210. Книги Московского стола. Кн. 37. Л. 222–238об.

⁹⁵ Там же. Кн. 37. Л. 243–259.

⁹⁶ Там же. Кн. 37. Л. 241–242об.

⁹⁷ КВ. Т. II. Ч. I. № 421. С. 545.

⁹⁸ Там же. Т. III. Подавление восстания, казнь С. Разина и позднейшие отголоски движения (с января 1671 г.). М., 1962. № 5. С. 8–9.

⁹⁹ Там же. Т. III. № 28. С. 34–37.

¹⁰⁰ К 21 июня князя Д.А. Барятинского в Тамбове уже не было: КВ. Т. III. № 97. С. 102; № 106. С. 115.

¹⁰¹ КВ. Т. III. Подавление восстания, казнь С. Разина и позднейшие отголоски движения (с января 1671 г.). М., 1962. № 125. С. 136.

¹⁰² Там же. Т. II. Ч. I. № 202. С. 241.

¹⁰³ Там же. Т. II. Ч. I. № 202. С. 242–243.

¹⁰⁴ Там же. Т. II. Ч. I. № 202. С. 244.

¹⁰⁵ Там же. Т. II. Ч. I. № 202. С. 245.

¹⁰⁶ Там же. Т. II. Ч. I. № 225. С. 273.

¹⁰⁷ Там же. Т. II. Ч. I. № 212. С. 260.

¹⁰⁸ Там же. Т. II. Ч. I. № 211. С. 257–258; № 212. С. 260.

¹⁰⁹ Там же. Т. II. Ч. I. № 225. С. 273.

¹¹⁰ Там же. Т. II. Ч. I. № 232. С. 280–281.

¹¹¹ Там же. Т. II. Ч. I. № 244. С. 295.

¹¹² Там же. Т. II. Ч. I. № 253. С. 306.

¹¹³ Там же. Т. II. Ч. I. № 266. С. 327.

¹¹⁴ Там же. Т. II. Ч. I. № 312. С. 396–397.

¹¹⁵ Там же. Т. IV. № 21. С. 22.

¹¹⁶ Посланные в Казань за запасами вернулись 24 декабря, но привезли лишь немного пушечных запасов, т.к. воевода А.А. Голицын дал им лишь 90 подвод, что было явно недостаточно: КВ. Т. II. Ч. I. № 387. С. 505.

¹¹⁷ КВ. Т. II. Ч. I. № 312. С. 397.

¹¹⁸ Там же. Т. II. Ч. I. № 387. С. 505.

¹¹⁹ Там же. Т. II. Ч. I. № 397. С. 514–515.

¹²⁰ Там же. Т. II. Ч. I. № 397. С. 514–515.

¹²¹ Там же. Т. II. Ч. I. № 397. С. 515–516.

¹²² Там же. Т. II. Ч. I. № 397. С. 516–517.

¹²³ Там же. Т. II. Ч. I. № 397. С. 518–519.

¹²⁴ Там же. Т. II. Ч. I. № 397. С. 517.

¹²⁵ Там же. Т. II. Ч. I. № 397. С. 518.

¹²⁶ Там же. Т. II. Ч. I. № 408. С. 528.

¹²⁷ Там же. Т. II. Ч. I. № 386. С. 503.

¹²⁸ Там же. Т. II. Ч. I. № 408. С. 528.

¹²⁹ Там же. Т. II. Ч. I. № 401. С. 521–522.

¹³⁰ Там же. Т. III. № 6. С. 9.

¹³¹ Там же. Т. II. Ч. I. № 408. С. 529.

¹³² Там же: «с салдаты, которым с ним в Свяязску быть велено».

¹³³ Там же. Т. III. № 144. С. 157–159.

¹³⁴ *Буганов В.И.* Разин и разинцы. ... С. 283.

¹³⁵ *Шушерин Н.К.* Житие святейшего патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком. СПб., 1784.